

АКАДЕМИЯ ВЕСНЫ

КСЮША ЛЕВИНА

Ксюша Левина
Академия Весны
Серия «Trendbooks magic»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68904702

*Ксюша Левина:
ISBN 978-5-00211-132-9*

Аннотация

Брайт Мэсон – сирена. Она умеет обращаться птицей и убивать песней. Но вынуждена быть заложницей Ордена Пяти, чтобы сохранить жизнь своего отца.

Рейв Хейз – маг земли и аристократ. Днем он староста в Академии Весны, а ночью охотник на иных.

Если умрет она, умрет и он. Околдованные против воли чарами Фиамы, они способны чувствовать друг друга за тысячи километров. Ненависть, притяжение, страсть они делят на двоих.

Чтобы разрушить проклятие, один из них должен влюбиться. Но как это сделать, если притяжение между Брайтом и Рейвом растет с каждым днем, как и опасность, которая угрожает обоим?

Содержание

Перед прологом	5
Пролог	15
Глава первая	21
Глава вторая	27
Глава третья	36
Глава четвертая	43
Глава пятая	51
Глава шестая	62
Глава седьмая	76
Глава восьмая	86
Глава девятая	94
Глава десятая	103
Глава одиннадцатая	114
Глава двенадцатая	124
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Ксюша Левина

Академия весны

© Ксюша Левина, 2022

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

Перед прологом

Рейв Хейз. За неделю до начала учебного года

Машина отца тормозит у самого крыльца, поднимая в воздух пыль. Кажется, что колеса дымят, но проходит пара секунд – и она снова клубится, теперь уже под подошвами мужских ботинок. Подходит к концу слишком засушливое, жаркое лето, которое прожгло землю, и мы все чахнем, таская по ней свои унылые тела.

Я вижу, как двери распахиваются, как с заднего сиденья вытаскивают девчонку и она вскидывает голову. Невысокая, тонкая, хрупкая. Лет восемнадцати, не больше. Длинные лохматые волосы до самой поясницы и яростный визг. Она поражает с первого взгляда, прежде всего тем, что смотрится посреди ухоженной лужайки дома Хейзов как одичавшая неряшливая роза на покрытой клевером идеальной пустоши.

Можно представить, что девчонка знает о моем существовании и намеренно смотрит на окна второго этажа, за которыми я стою, сжимая подоконник до побелевших костяшек пальцев. Но на ее глазах повязка, и это маловероятно. Она будто чувствует мое присутствие и продолжает торчать на лужайке, задрав голову, пока ее не дергают в сторону крыльца.

Отталкиваюсь от подоконника и выхожу из комнаты. Мимо испуганных прихвостней отца и блеющей что-то уборщицы. Все взволнованы и напуганы. Останавливаюсь на верхней ступеньке лестницы, там, где проходит граница света и тени, — меня никто не сможет увидеть с первого этажа. Дальше шагнуть не получится: отцом выставлена защита, которая мне не по зубам. Я могу только смотреть и слушать. Или выйти в окно, если пожелаю. Туда путь свободен всегда.

Девчонку затаскивают в холл. На запястье сверкает серебряный браслет, блокирующий ее магию. Она в летнем белом платье и босоножках, не по траминерской почти осенней погоде. И я могу увидеть такое же «украшение» на щиколотке. Либо пленница очень сильна, либо отец и его шайка стали слишком трусливы. Руки нашей гостьи украшены тонкими золотыми цепочками, фенечками, каменными бусинами-артефактами. У нее потекла тушь и на щеках остались длинные черные разводы, будто шрамы. Алая помада смазалась, запачкала зубы, будто они только что вонзались в шею обидчиков и разрывали артерии.

Девчонка кричит, рычит, утверждает, что всех уничтожит. И на браслеты уже нет надежды: тот, что на запястье, сверкает и сыплет искрами, опалая пушистый ворс винтажных ковров, а по щиколотке к пятке стекает тонкая струйка крови. Пленница ярится так, что взрываются антикварные вазы. Она подбирает самые отборные словечки, какие только существуют в траминерском, дорнийском или аркаимском

языках. Мне остается только смотреть, как люди отца пытаются усмирить *Брайт Масон*. Сжимаю пальцы и чувствую, как между ними потрескивает магия. Мне ни к чему вставать на защиту иной, это вообще не мое дело.

Девчонка не может колдовать. Не может видеть. Не может ничего сделать, чтобы себя защитить. Но она сгусток отчаянной дикой энергии, и это впечатляет, шокирует, как первое откровение. Первый порножурнал, первая рок-баллада, первый выход в открытое море.

Ей на шею накидывают пару амулетов, сделав совершенно послушной, а через час на пороге дома появляется Блэк Масон. Ее отец. Он рыдает. Он соглашается работать на Траминер.

Смешно, как ловко отец все придумал. Он заманил Масона слезливой историей про умирающих детей, твердил, что стране нужен спаситель, нужно лекарство, волшебная пилюля, которая спасет от вымирания целую расу магов земли, а в итоге берет в заложники и доктора, и его дочь, а единственная благодарность за сотрудничество от Траминера – шанс для этих двоих выжить. Это все большой обман, так типично для Ордена Пяти, что уже набило оскомину.

Брайт Масон сидит прямо на полу, посреди комнаты, скрестив ноги, с совершенно ровной спиной и гордо вскинутым подбородком. Это впечатляет. Мой отец смотрит на нее со смесью презрения и восхищения. Да что там, все так смотрят. Ее отец молит о прощении.

– Па, все нормально. Справимся, – холодно бросает она в ответ на его рыдания.

И даже у бывалых прихвостней отца от этого уверенного спокойного голоса дергаются головы. Им всем неуютно. А я улыбаюсь.

Рейв Хейз. За пять дней до начала учебного года

Два дня назад Брайт Масон официально стала заложницей Ордена Пяти и обещала вести себя смирно. Выбора у нее, в общем-то, не много: если она сбежит, ее отца немедленно убьют.

Орден давно объявил себя вне закона. Их глава – мэр Бовале, а остальные четыре лидера – влиятельнейшие люди. В Орден входит не больше сотни семей, своеобразная траминерская элита. Говорят, их цель – помочь истинным выжить во враждебном для них мире, остановить вымирание самой древней, но самой слабой расы магов земли. Поверим на слово. Еще ходит слух, что верхушка Ордена метит в правительство страны, чтобы продвигать свои расистские идеи в массы. Охотно верю! Ну и конечно, первейшая цель Ордена – спасти от страшной болезни чистокровных траминерских детей. А вот на это я очень надеюсь.

Глава Ордена уверен, что все траминерцы на его стороне, но на самом деле даже я, его родной сын, уже сомневаюсь, что цель оправдывает средства. Заманить в страну именито-

го талантливого ученого и взять в заложники его дочь – это уже точка невозврата, и я все больше сомневаюсь, что Стерн Хейз не безумец.

Брайт держат в северном крыле дома, в узкой часовой башне как раз напротив той, где расположены мои комнаты. Там, под самой крышей, всего одна неширокая спальня. Говорят, девчонка больше не кричит, не колотит в дверь, не требует выпустить ее, не объявляет голодовку, как было первое время. Она спокойно ест, мило со всеми разговаривает. Слушает музыку на полную громкость и делает вид, что приехала на курорт. Удивительное создание, которое бесит моего отца, но, что самое странное, она его пугает, а я никогда не слышал, чтобы кто-либо вызвал в Стерне Хейзе хоть какую-то эмоцию, кроме злости.

Меня это прямо-таки восхищает. Всякий раз, как слышу от кого-то из прислуги очередную сплетню про Брайт Масон, это неминуемо вызывает во мне приступ смеха. Ужасно интересно, что она собой представляет на самом деле, потому что горничные ее буквально боготворят. Кажется, весь дом стоит на ушах, ведутся споры, кто понесет странной пленнице завтрак. Я слышал, что она помадой написала на стене в своей комнате: «Хейз – старый козел». Потрясающе.

Мало кто знает – точнее, я более чем уверен, что знаю только я, – но на самом деле девчонка не сидит в заточении. Из своей спальни я могу наблюдать за тем, как каждую ночь Масон высовывается из окна. Я не знаю, что у нее за магия,

но высота пятого этажа ей не помеха. Тело мгновенно трансформируется в сгусток черного дыма, обрастает перьями, и Брайт Масон улетает. Но всегда возвращается. Каждую ночь. Тут ее отец, и она ему, очевидно, предана.

Рейв Хейз. За день до начала учебного года

Это становится доброй традицией – в полночь стоять у подоконника и наблюдать за часовой башней, в которой держат нашу «гостью». Минута в минуту окно напротив открывается и оттуда показывается лохматая макушка Брайт Масон. Она смотрит по сторонам, потом садится на подоконник, поправляет складки своего летнего сарафана, потягивается, будто ото сна. Подставляет лицо прохладному, просоленному из-за близости океана ветру и даже улыбается, прикрыв глаза. Сидит так пару минут. Это почти привычный ритуал. А потом прыгает вниз, у самой земли обращаясь черной птицей.

– Сегодня плохой день для полетов, Масон... – успеваю шепнуть я, прежде чем за спиной распахивается дверь, а сердце тревожно сжимается в предвкушении охоты.

– Пора, – сообщает Листан Прето. – Какая-то странная иная шастает по Бовале. Твой отец велел ее припугнуть. Есть идеи, кто это может быть?

– Нет, – сухо отвечаю и искоса поглядываю на Прето. Я знал, что так будет, но предупредить Масон не было никакой

возможности. И надобности. Она мой враг. Она иная. Я по своей природе не должен ни думать о ней, ни жалеть ее.

Траминер – родина магов земли и только их, но много столетий назад все пошло к чертям, когда первый чужеродный источник силы – кажется, это была вода, если верить легендам, – оказался в наших краях. И иные потянулись к нам отовсюду. Маги огня, воздуха, оборотни всех возможных видов – их развелось столько, что на пальцах руки не пересчитать. Их легко узнать: цвет радужки, волос – они все разные. Огненные с желтыми птичьими глазами, оборотни с черными, синеглазые маги воды. Все очень и очень просто.

Им у нас нравилось. Много работы, много денег. Иные – нищие работяги радостно переезжали, чтобы трудиться на нашу аристократию, никогда не любившую пачкать руки, – и вот к чему это привело. Не прошло и пары сотен лет, а чистокровных истинных на весь Траминер не найти и ста семей, в то время как иной сброд живет и процветает. Их все больше, они всё сильнее и влиятельнее. Их дети учатся в наших школах и академиях.

Говорят, скоро это закончится. Говорят, они уйдут и всё станет как прежде. Говорят, я должен их ненавидеть, и это единственный правильный выход. А еще говорят, Брайт Мэсон стоит ненавидеть в первую очередь. За пять дней она порядком надоела моему отцу, и он не намерен больше терпеть ее в особняке, так что завтра Мэсон пойдет в ту же Академию, что и я. Окажется под присмотром преподавателей и

истинных студентов, где быстро научится правилам жизни в Траминере.

– Идем?

Листан улыбается, он обожает охоту. Тяну время, нарочито долго вожусь с блистером таблеток, залпом выпиваю весь стакан воды и убираю все со стола.

– Ты в норме? – Листан за моей спиной настороженно замирает.

– Да. Да... Лекарство выпил?

– Конечно. – Он явно не понимает, чего я жду, и скоро начнет задавать вопросы.

Спускаемся, на ходу поправляя усилители магии. Чтобы тягаться с некоторыми иными, нам нужно хорошенько подготовиться. Мы сильное поколение, по крайней мере в отличие от наших родителей, но и этого порой недостаточно. На стороне иных... да черт его знает, почему им так повезло.

Внизу ждут парни, стоят на крыльце, хохочут над чем-то. Фандер Хардин кажется сегодня особенно кровожадным. Якобин Блауэр, напротив, притихшим и серьезным. Он давно разочаровался в курсе, который неофициально взял Орден, желая выжить из Траминера иных. А еще Блауэр устал быть чьим-то цепным псом. Когда-то нам казалось, что это весело.

– Ну что? Делаем ставки, кто это осмелел? Надеюсь, что Нока, притащу ее своему братцу, – хохочет Фандер.

Он ненавидит иных, особенно потому что его младший

брат с ними якшается.

– Нимея Нока? – вскидывает брови Листан. Он презирает иных, но никогда не вступает в открытый конфликт, считая себя выше этого. – Я думал, твоя семья терпима к семье Нока.

Ледяная усмешка Листана приводит Фандера в бешенство.

– Заткнись, Прето, – рычит он. – Мы не имеем ничего общего с иными.

– Кроме постельных развлечений твоего братца, – ухмыляется Листан.

Все знают, что так оно и есть. А я знаю, что вышедшая в комендантский час девушка – это не Нимея Нока. Это Брайт Масон. Завтра она станет студенткой Академии Весны. А сегодня может стать жертвой охотников, если не будет достаточно осторожна и ее ноги коснутся земли.

Каждую ночь она возвращается в одно и то же время. Смотрю на часы и морщусь. Не успеет.

– Парни. – Отец выходит на крыльцо.

Оборачиваюсь к нему, и наши взгляды пересекаются.

– Припугнуть ее. Вы знаете, это для их же блага, верно?

Нет, мы на самом деле ничего не знаем, но постоянно слышим эти громкие фразы Стерна Хейза. В своих речах он утверждает, что каждый должен вернуться на свою историческую родину и только тогда будет по-настоящему счастлив. Он говорит, что комендантский час в Бовале – необхо-

димось, потому что на улицах стало опасно из-за приближающейся революции. Что мы должны сдерживать волнения, не допускать провокаций со стороны иных и просто присматривать за порядком. Звучит крайне неубедительно.

Когда-то мы думали, что нам, мальчишкам, оказали честь, назначив охотниками и выпуская раз в неделю на улицы. Сейчас рейды стали чаще, а мне кажется, что нас просто используют, чтобы держать иных в страхе. Для отца и Ордена мы – доказательство, что маги земли не так просты, как весь мир думал, что нам есть что противопоставить иным, – но кому мы, к черту, нужны, если стоит пропустить одну проклятую таблетку – и от дичайшей головной боли подкашиваются ноги? На этот вопрос отец мне, кажется, никогда не ответит.

– Да, сэр, – кивают парни.

Кажется, я больше не верю отцу. Кажется, я не хочу, чтобы мы нашли Брайт Масон.

– Ее видели на берегу, – неохотно командую я, пока парни готовят артефакты, блокирующие магию. Если девчонка окажется в зоне их действия, она пропала. – Сегодня мы разделимся.

– Почему, Рейв? – удивленно спрашивает Листан.

– Потому что я так сказал.

Потому что хочу найти ее сам, без лишних глаз. И припугнуть, чтобы большие не совала нос на улицы Бовале, подвергая себя опасности.

Пролог

Брайт Масон. За день до начала учебного года

Я бегу так быстро, как, кажется, никогда раньше не бегала. Из-под каблуков вылетают грязь и мелкие камушки. Справа простирается Таннатский океан, слева – высокая городская стена, которой нет конца и края. Ни одной улочки, ни одной ниши. Прятаться некуда.

Стоило ли оно того? Определенно. Я не готова и суток просидеть в заточении в доме проклятого Ордена, подчиняясь их тупым правилам. Но так далеко я еще никогда не заходила. Быть может, самую капельку это было опрометчиво и я должна была подумать о безопасности папы, но сейчас не время об этом рассуждать, время уносить ноги, раз уж подставилась и высунула на улицу нос.

Шансов никаких. Меня настигают. Магия заблокирована, и я чувствую себя беспомощной, жалкой. Меня предупреждали, что они так умеют. Орден Пяти умеет всё.

Во всем цивилизованном мире блокировать чужую магию запрещено, если ты не представитель власти, а тут в этом не видят ничего особенного. Дикари!

Крепкое тело врезается в мое, сминает и прижимает к стене со всего маху. Из глаз будто звезды сыплются, затылок обжигает огнем. Я выдыхаю, шиплю и тут же начинаю цара-

паться, но каменею, встретившись с изумрудными радужками истинного траминерца. Они гипнотизируют и будто разом заменяют собой и океан, и небо, отчего страх пробирает до самого нутра и колени начинают подгибаться. У них у всех эти чертовы зеленые глаза, ненавижу этот цвет!

Я чувствую теплую кровь, сбегающую по волосам от раненого затылка к шее, и кажется, что ее запах распространяется всюду. *Зеленоглазый* морщится, словно учуял что-то мерзкое. Крепко сжимает мои руки, коленом блокирует ноги. С его головы падает черный капюшон, но почти сразу лицо скрывает изумрудный туман-маскировка.

Я успеваю его увидеть. Белая кожа и белые волосы, брови широкие, почти темные, и яркие-яркие глаза, которые до сих пор не отпускают мои. Истинный маг. А значит, враг. Особенно ночью. Сейчас я преступница, нарушившая условия комендантского часа, а он, очевидно, тот самый охотник, о которых я слышала от прислуги дома, где меня держат. Он не старше меня, первокурсницы. Лет двадцати, может, двадцати трех, но во взгляде уже ярость, присущая каждому истинному. Она у них в крови с рождения.

– Скажи что-нибудь, чтобы я тебя отпустил. Придумай причину, – шепчет он, и я вскидываю голову.

Истинные не дарят таких шансов. Он не должен был это говорить. А я ничем не могу ему ответить, и от этого в горле пересыхает. Мне *нельзя* открывать рот. Моя сила бурлит из-за страха и нервного напряжения и, если заговорю, непре-

менно вырвется наружу вводящим в транс голосом. Никакая блокировка не спасет охотника, и я не уверена, что смогу себя контролировать настолько, чтобы не покалечить его. Я бы и рада сорваться, но кто знает, с какой из семей в родстве этот холеный мальчишка и как именно накажут моего отца, когда узнают, что его дочь шляется после комендантского часа по улицам, да еще и нападает на истинных.

– Я жду, – торопит охотник, требует, чтобы я отвечала.

Руки больно царапаются о кирпичную стену. Мне чертовски холодно, так что тело пробирает крупная дрожь, я хочу трансформироваться, да побыстрее, потому что в облике человека я жуткая мерзлячка. Мне нужна вода, она дает силу. Если сейчас пойдет дождь, всем этим охотникам придет конец. Жаль, что, по слухам, в Траминере с июля с неба не упало и капли. А может, и к счастью, потому что тогда я бы поубивала их всех к чертям собачьим и мы с отцом точно никогда бы отсюда не выбрались. Сил моих больше нет!

Не успеваю удержать язык за зубами. Наклоняюсь вперед и, почти касаясь его уха, шепчу:

– Ты пожалеешь, что дал мне шанс.

Он не знает этого языка, но, услышав, отступает. Мой голос гипнотизирует его так же, как меня – его зеленые глаза. Мы оба совершенно беззащитны, но я успеваю среагировать первой. С истинного слетает маскировка, изумрудный туман рассеивается, и я снова вижу его лицо. Брови сдвинуты, челюсть напряжена. Мы стоим друг напротив друга пару секунд, пока вдалеке не становятся слышны чьи-то тяжелые шаги.

– Проваливай, – тихо говорит он. – ЖИВО!

Что-то меняется, и мои пальцы наливаются силой. Блокировку сняли, можно бежать. Дважды просить не нужно. Я разбегаюсь, и уже через секунду меня охватывает черный туман. Тело трансформируется, руки становятся черными

крыльями. Улетаю так стремительно, что от резко набранной высоты берег превращается в полосу на границе с океаном. Меня подхватывают воздушные потоки, морской воздух пронзает жесткие перья.

А истинный так и смотрит в небо.

Глава первая

Прощай

ПРОЩАЙ

Используется в качестве приветствия при расставании надолго или навсегда.

Утро следующего дня

Машина останавливается перед Академией, и Брайт смотрит на отца так, будто больше никогда его не увидит. Это ощущение не покидало ее всю чертову неделю и уже, кажется, срослось с кожей, осталось навсегда послевкусием к каждому прощанию. Она все еще ждет, что отец рассмеется, а водитель развернется к ним со своего переднего сиденья и подует в праздничный свисток, потом воскликнет: «Розыгрыш», и они втроем отлично проведут вечерок в Бовале.

Увы.

«Один семестр?» – умоляюще смотрит на отца Би.

«Я сделаю все, что от меня зависит», – с сожалением глядит в ответ Блэк.

Ей обещали, что она проведет в этой Академииитюрьме не дольше одного семестра. Что отец, которого просто-напросто заманили под предлогом спасательной миссии в Трами-нер из научной лаборатории Аркаима, придумает это черто-

во лекарство от страшного врожденного недуга, убивающего юных истинных магов, и тогда его отпустят. И Брайт тогда тоже отпустят.

Академия Весны – идеальное место, чтобы контролировать ее. Тут учатся детки тех, кто будет держать поводок доктора Блэка Масона. Как удобно запустить всех щенков в один вольтер и смотреть, чтобы если и перегрызали друг другу глотки, то по крайней мере не насмерть. Главное – забор повыше и замок покрепче.

– У вас три минуты, – рывкает водитель, прежде чем оставить их наедине.

Брайт протягивает руку и касается впалой колючей щеки отца, поджав губы, чтобы не расплакаться. Они тратят драгоценные мгновения на гнетущее молчание, от которого глаза щиплет, будто на роговицу попала соляная кислота.

– Не выходи в комендантский час, – наконец нарушает тишину голос отца.

Он не поднимает глаз от своих худых костлявых пальцев, униженных перстнями-артефактами.

– После десяти чтобы и духу твоего не было за порогом... Брайт! Я серьезно!

Он качает головой и смотрит сначала в окно на Академию, которая высится в конце длинной аллеи, потом на дочь. Брайт кажется, что папа постарел на два десятка лет, поседел, похудел и стал таким маленьким, хрупким, что хочется его спрятать и не выпускать в этот большой страшный мир.

Но она-то тоже сейчас останется совсем одна.

– Я знаю, что этой ночью ты выходила. Тебя не было дома почти два часа, а потом ты вернулась не на своих двоих... – Он отчитывает, а она готова плакать от боли, потому что это может оказаться последним разом, когда звучит его сухой суровый голос. – Не нарывайся, – шепчет он.

Его подбородок дрожит.

– Будь осторожна, не злись лишний раз и... ради святых, не пой. Не говори на *своем* языке. Почаще носи очки, уж лучше не привлекать к себе внимание по крайней мере этим.

Она закатывает глаза и усмехается. Ни в Дорне, ни в Аркаиме никого цвет глаз не смущал, и только в Траминере расизм – это часть культурного кода.

– Подружись с кем-нибудь, тебе нужна компания... Слушай преподавателей.

– И ты не нарывайся. – Ее голос под стать ему звенит от эмоций, будто колокольчик. Это уже похоже на истерику, они оба держатся на честном слове, из последних сил. – Сделай все как они велят... пожалуйста. Па?..

– Я постараюсь, Би. Если что, беги. – Он тянется к дочери, чтобы обнять, но водитель бьет по крыше машины, и оба пассажира дергаются. – Ты знаешь как... Но только если получишь от меня сигнал. Пожалуйста! Потерпи. Тут... безопаснее, чем ты думаешь. Обещаю! Тут много таких... похожих на тебя.

Снова стук по крыше. Брайт морщится. Она не намерена

подчиняться чертовым траминерцам, это было решено еще неделю назад, так что не позволяет отцу отпрянуть и сама утыкается носом в его грудь.

Доктор Масон тут же становится мягким, уютным. Страх делает его расчетливым параноиком, а любовь – рассеянным и нежным. *Сейчас он боится.* Но не обнять на прощание дочь – все равно что лишиться частички себя навсегда.

– Мы скоро будем свободны, – шепчет он. – Обещаю, Би...

– Я тебе верю, па. Береги себя, пожалуйста.

Дверь открывается, и водитель строго смотрит на них, а Брайт понимает, что не хочет в первый же учебный день быть выброшенной из машины как мешок с изюмом на глазах у всех, так что сама выбирается и тут же ежится от пронизывающего ветра. Отец делает движение в ее сторону, будто тоже хочет выйти, но водитель качает головой и закрывает перед ним дверь.

– Па! – Брайт бросается и бьет в стекло, но по ухмылке водителя ясно, что мистер Масон больше не хозяин машины, а только пленник.

Водитель достает из багажника розовый чемодан на колесах и бросает его на землю так быстро, словно тот испачкан в грязи. Следом падает черный рюкзак, украшенный шипами и заклепками, и Брайт еле успевает поймать его в полете, чтобы спасти хрупкое имущество. Добиться, чтобы ей прислали из дома вещи, оказалось непросто. Пришлось придумывать легенды и трижды переписывать письмо дядюшке,

чтобы оно устроило Орден и его разрешили отправить. Но в итоге этим утром Брайт получила свои чемоданы с платьями, шляпами, косметикой, сумками и куртками, а также пожелания от дяди хорошо провести время в Траминере. О, это будет лучший отпуск в жизни Брайт Масон, она не сомневалась. За три вечера, что она составляла письмо, так и не вышло придумать толкового шифра, чтобы попросить о помощи, – со стороны это путешествие кажется таким невинным. Кажется, в аркаимской газете даже вышла статья «Блэк Масон посетил Траминер с исследовательской миссией».

– Дальше сама, – рычит водитель, садится в машину, и Брайт даже не успевает ничего понять, а пыль из-под колес уже взмывает в воздух и успевает осесть на брусчатку.

– Дальше сама... – вторит Брайт водителю.

Главное – не плакать. Это уж точно никому не поможет...

Рюкзак привычно давит на плечи, будто обнимает и прикрывает спину от холода. Ручка чемодана же слишком холодная и намекает, что пора привыкать к новому дому, а это неприятно. Брайт встает посреди мукатовой аллеи и смотрит на Академию.

Над широким крыльцом со множеством ступенек – золотые пылающие огнем буквы «Медицинская академия им. Весны Доротеи Доминики». Само здание пугающе темное, но безумно красивое, классически правильное. Стены из черного гладкого камня, острые шпили прокалывают густые

свинцовые облака, узкие высокие окна сверкают чистыми стеклами. Ни одной неверной линии, ни одной треснувшей колонны или обтесанного океанским бризом угла. Все настолько идеально, что кажется рисунком на открытке из сувенирной лавки.

Тут все вылизано, даже эта аллея, что ведет к крыльцу. В самом ее конце – мраморная чаша фонтана и две широкие мощеные дорожки. Налево – студенческая деревня, ее видно даже отсюда. Направо – Таннатский океан, его хорошо слышно. Все такое стерильное, будто ненастоящее. Брайт привыкла к совсем одичавшему, неряшливому Дорну, где забыли, что такое ровные дороги без ям. Она любила всей душой Аркаим, который задыхался от истеричного ритма жизни, и никому в голову не приходило драить по три раза за сезон окна, чтобы они сверкали. У всех и без этого полно дел!

Траминер будто готовится к каждому дню, он лощеный, набриолиненный, благоухающий. Древние улицы словно отстраивают заново раз в десятилетие. Даже обыкновенные кошки, бродящие по тротуарам, тут более ухоженные, чем любой дорнийский оборотень. Для истинных магов, чистокровных траминерцев, это должно быть светлое и радужное место. Для таких, как Брайт, – *поле боя*.

Глава вторая

Высокомерие

ВЫСОКОМЕРИЕ

Гордое и надменное поведение.

Академия имени Весны Доротеи Доминики в простонародье давно стала зваться Академией Весны или, созвучно, Академией Войны. Такие вот совершенно не связанные друг с другом слова боролись за право стоять в названии лучшего медицинского высшего учебного заведения Траминера. Любой траминерек мечтал приобщиться к студенческой жизни в подобном месте.

Если в Аркаиме был огромный выбор академий по любому направлению, то страна земляных магов за свою многовековую историю так и не построила по крайней мере пары-тройки толковых учебных заведений. До недавнего времени молодые аристократы и вовсе ничему особенно не учились, предпочитая сначала гувернеров в стенах родного дома, а потом заграничное образование, которое стало невозможным с тех пор, как началась эта негласная война иных и истинных, а траминерцам путь в тот же Аркаим стал заказан.

Потому целые толпы истинных аристократов отправляли своих чад в Академию Войны постигать никому из них не нужные медицинские науки и потом говорить, что их «сын

(дочка) скоро станет доктором!», пусть недалекий отпрыск не выдержит даже и третьего года обучения. Все эти наследники «состояний» в жизни после не прикасаются к котлам и целебным травам, не держат в руках лунный нож и знать не знают, с чем нельзя мешать мертвую воду, но образованием гордятся безмерно. Это модно. И для таких, как Брайт, совершенно непонятно.

Будучи вынужденной студенткой Академии Войны, она стоит и смотрит на черные стены вот уже три минуты, так и не решаясь сделать первый шаг и совершенно не разделяя улыбок снующих мимо студентов. Для них это праздничный день, долгожданный. А Брайт учиться тут не хотела. Ее заставили. Она ненавидит саму мысль о том, чтобы ждать тут, в тепле студенческой общаги, прятаться после комендантского часа и «не нарываться», пока отец там, в плену Ордена Пяти, который его щадить не будет.

Ветер завывает по-осеннему остро, будто тысячи кинжалов под кожу, а Би не одета по погоде. Без пальто, в простом черном платье-толстовке до колен, колготках и грубых ботинках на шнуровке. Без шапки уже покраснели уши, а горло неприятно дерет, будто завтра начнется простуда. Но ветер не щадит, он срывает последние листья с мукатов, что растут вдоль аллеи, приближая их скорое облысение, и оттого становится еще тоскливее, словно вот-вот свинцовые тучи прорвутся и повалит обжигающе-ледяной колючий снег.

Я не увижу это весной? Надеюсь, что нет... надеюсь, что

уюду сразу после первых заморозков.

Брайт замирает, прислушивается, но не оборачивается, когда со спины приближается шумная компания.

– Эй, не замерзла, красотка? – свистит какой-то парень, поравнявшись с Брайт, и протягивает было руку к ее чемодану, чтобы помочь, но их взгляды пересекаются, и он отшатывается. – Хр... – неопределенно выдыхает он. – Простите, мэм, не знал. – И хрипло ржет, словно брехливый пес.

Откидывает с лица длинные черные кудри, проходит мимо, будто ничего и не было. Его компашка тянется следом, каждый считает нужным оглядеть несчастную новенькую с головы до ног, словно товар на витрине.

Брайт была готова к тому, что в Траминере ненавидят иных магов, то есть всех, кто не относится к магии земли, но не думала, что ситуация настолько печальна. Она родилась в Дорне, где намешано всякого, так что народ давно не смотрит на цвет глаз. Выросла в Аркаиме – самой образованной и прогрессивной стране. Траминер же – нетерпимая ко всем «не таким», бойцовая яма, где готовы разорвать любого. Тут до сих пор в почете аристократия, что вот уже несколько сотен лет тянет страну на дно. Где вообще еще остались аристократы? Это как минимум дико и пахнет нафталином.

Брайт достает темные очки с маленькими круглыми стекляшками в изящной серебряной оправе и цепляет их на нос. Выдыхает, собираясь с силами. Делает первый шаг. В конце концов, что такое полгода? Можно отсидеться в библиотеке.

ке. Должна же тут быть библиотека? Лишняя пара книжек уж точно не помешает. Факультет нейромодификаций, куда задним числом зачислили Брайт, – один из самых сложных.

Тонкая работа с мозгом, не всегда требующая вскрытия. Умелый врач-нейромодификатор может творить чудеса, а неумелый – убивать пациентов одним неловким взмахом руки. Брайт не то чтобы неинтересно попробовать себя в чем-то новом, но уж точно не в этой стране, и даже мысль о получении знаний впервые в жизни не радует.

У крыльца стоит зеленоглазая блондинка в синем приталенном пальто и кокетливом беретике. Она радостно приветствует первокурсников:

– Добро пожаловать в Академию Весны! Мы все тут одна семья... Если вы будущие нейромодификаторы, берите розовую листовку, если ваше направление лечфак – голубая листовка! Серая – для тех, кто любит зверушек.

Она не говорит, а исполняет ведущую партию в собственной пафосной опере, и Брайт не сразу подходит к розовой стопке, чтобы взять свою листовку. Девушка принимает замешательство на свой счет и улыбается.

– Первый курс? Сразу видно, обязательно попроси, чтобы к тебе приставили куратора! Я уверена, что Энг тебе поможет! – разливается соловьем блондинка и переводит взгляд куда-то за спину Брайт, где тут же парни взрываются хохотом и согласными возгласами.

У блондинки такие насыщенно-изумрудные глаза, что, ка-

жется, они отбрасывают тень на круглые милые щечки, и в душе Брайт ощущает слабую надежду, что все не так и плохо. Перед ней явно траминерка, причем чистокровная, истинная. И она не кажется странной или злобной. Не похожа на тех, с кем Брайт столкнулась только вчера на побережье Таннатского океана.

– Какой факультет? – Блондинка роется в пачке разноцветных листовок. – Голова или что пониже? – усмехается она.

Парень, что пытался помочь Брайт с чемоданом, делает шаг вперед.

– Этой цыпочке – к зверью! – кричит он и срывает с нее очки, а потом громко хрипло хохочет, но с изящным поклоном протягивает на вытянутой руке только что украденную вещь, будто делает величайший подарок.

– Пошел к черту. – Брайт вздрагивает от собственного голоса.

И все замирают.

Он кажется им слишком хриплым, но при этом мелодичным, как рок-баллада. Он будто песня, хоть Брайт и не поет. Им становится страшно. Каждому из них. И блондинке с листовками, и кудрявому парню, и его мерзкой компашке. И первокурсникам, что уже столпились на аллее в ожидании своих путеводителей.

У них у всех мурашки. Брайт прикрывает глаза, хватается очками с вытянутой руки, цепляет их на нос, а потом смело бе-

рет нужную листовку из стопки. Ей плевать, что они подумают. Она зла, замерзла, хочет переварить случившееся и...
Ей. Плевать. Точка. Без лишних объяснений.

Блондинка холодно вскидывает бровь. На ее шее висит бейджик:

Бэли Теран

Главная староста (3к)

Факультет Лечмаг

– Раса? – требовательно спрашивает она.

Это ниже пояса. Обычно о таком не спрашивают, если речь о цивилизованном обществе, а не о поганой аристократии. Это же смешно: если расу нельзя определить с первого взгляда, потому что кому-то вздумалось покрасить волосы или нацепить, как Брайт, черные очки, значит, на то есть причины. Это личное желание каждого – не рассказывать, кто он, – и никто не вправе требовать обратного. Брайт инстинктивно сжимает челюсти, не решаясь сейчас заговорить. Магии слишком много, она кипит в крови и угрожает каждому.

– Я имею право не отв... – начинает она.

– Кто ты?! – староста вопит еще громче.

– Слушай, просто дай пройти, я такая же студентка, как и все, спроси декана, если нужно.

Все хорошо... все хорошо! Молчать нельзя! Нельзя казаться странной. Тебе с ними еще долго жить, нужно учиться держать себя в руках. Не нарывайся, Брайт. Но за-

ищающей себя. Молчащего – бьют.

– Ну уж нет. – Доброты у старосты на лице как не бывало.

Земля начинает дрожать, и оттуда вырываются мерзкие белые толстые ростки силков, готовые опутать ноги и удерживать на месте. Первокурсники начинают шептаться, что это незаконно, а компашка парней восхищенно завывает.

– Ты ответишь мне! Я староста и должна знать. Если тебе есть что скрывать, значит, это что-то еще более мерзкое, чем я могу представить. – Бэли Теран кривит губы, с наслаждением глядя, как Брайт бледнеет.

– Если ты не можешь определить класс мага по его внешнему виду, значит, ты просто недостаточно образованный человек. Я. Не обязана. Отвечать, – спокойно, громко говорит она, чувствуя, как заостряются ногти и зудит кожа.

Голос хрипит еще больше, и присутствующие немного успокаиваются, прислушавшись, но быстро сгоняют наваждение. Первый шок – самый сильный.

– Я не спрашивала, что ты обязана, а что нет. – Девушка приближается и встает в шаг от Брайта. Дальше ей подходить уже неприятно, судя по лицу. – Тут много таких, как ты. Грязных чужаков... А мы *не звери*, мы понимаем, что вы просто не такие, как мы... – Теперь она говорит ласково, будто снова делает вид, что рада всем. – Заблудшие овечки, которым просто нужно подсказать, куда катиться... И вы должны уважать нас за то, что мы любезно предоставили вам свою землю и свою магию. Даем образование, понимаешь ли.

Знаешь, что такое уважение? Пойди пообщайся со *своими*, узнай, как должна себя вести. Тише воды ниже травы, поняла? Иначе придется науч...

– Бэли!

Голос не со стороны первокурсников, не со стороны компашки. Кажется, что этот человек стоит очень близко, а в действительности – позади всех.

– Рейв? – Тон девицы меняется. Она снова весела и радушна. – Привет, как поживаешь? Листовку?

– Что ты делаешь с этой иной? – Он приближается.

Брайт чувствует запах: свежий, штормовой, словно рядом море. Голос уверенный, спокойный, его обладатель знает, что одного слова хватит, чтобы прекратить перебранку.

– Хочу узнать ее расу! – капризно пищит Бэли, тыча в Брайт пальцем, будто в зверушку. Она даже качает головой, сокрушается, словно над в который раз переставшей работать техникой.

– Зачем? – Он совсем близко, но Брайт не сдается, не обобщивается.

Бэли же мнетя, поджимает губы. Никто не имеет права задавать такие вопросы. Никто!

– Зачем тебе знать расу этой иной? – переспрашивает парень по имени Рейв.

– Знаете, вы договорите без меня, хорошо? – «Эта иная» делает шаг, Бэли округляет в ужасе глаза, и ее силки тянутся вверх, повинувась хозяйке.

Брайт бьет ростки ногой, этого хватает, чтобы деморализованные растения отпрянули, а она увернулась и как ни в чем не бывало пошла к крыльцу.

– Как ты смеешь? – шипит ей в спину Бэли. – Рейв! Зачем ты ее защитил?

Но Рейв не отвечает, а Брайт не оборачивается. Поднимает руку, показывает средний палец – в надежде, что он достигнет адресата. Адресат возмущенно ахает и шипит, что это вульгарщина.

Да-да, Бэли Теран, и это не худшее из качеств «этой иной».

– Рейв! Ты же... – пыхтит Теран.

Но Рейв только что увидел то, чего совсем не ожидал. Он смотрит в спину Брайт Масон так, будто там нарисована его личная мишень.

Глава третья

Гранж

ГРАНЖ

Зародившееся в княжестве Дорн направление в моде, основанное на отрицании всех норм.

– Круто ты ее! – Веселый мужской голос заставляет Брайт напрячься.

Она очень хочет скорее остаться одна, но все никак не выходит.

– Ну, цыпа, не обижайся. Теран – дрянь редкостная, и ей было интересно, что с твоими глазами...

Тот самый кудрявый брюнет, что только недавно демонстративно отпрянул от Брайт, увидев ее глаза, и сорвал с нее очки, теперь идет рядом. Он то и дело пытается ее обогнать и идти спиной вперед, но натывается на спешащих студентов и преподавателей, извиняется, чертыхается, кривится. Это даже могло быть мило, если бы не все, что случилось «до».

– А тебе тоже интересно?

Брайт слушает вполуха. Ей *неинтересно*. Даже в свободной от расизма стране она была «не такой, как все», тут и подавно. Хуже места для дочки доктора Масона и придумать было трудно. Так что она старается игнорировать кудрявого и разглядывает инфографику на розовой листовке. При со-

прикосновении с пальцами на бумаге сразу появляется необходимая информация.

Брайт Масон

Факультет нейромодификаций

ПЕРВЫЙ КУРС

Страна: Аркаим

Класс: _____

Корпус Р-1 комната 4

А ниже схема кампуса и студенческой деревни.

– Как тебя зовут? – Кудрявый не отстаёт и даже хватается Брайта за плечи. – Эй... Да не бойся! Давай помогу!

Он выхватывает её розовый чемодан и заглядывает через плечо в листовку.

– Корпус Р... Брайт Масон. – Парень с наслаждением проносит имя и улыбается так широко, будто выиграл джекпот. – Ну не обижайся за... зверье, – миролюбиво просит он, будто это обычное дело. – Просто дурацкая шутка. Я думал, ты из оборотней.

Что ж... типичный красавчик с зелеными глазами. Бледный, черноволосый, высокий и худой. Кудри живописно падают на лоб, губы изогнуты в самодовольной улыбке. По таким обычно сохнут все от мала до велика. На нем черная водолазка и голубые форменные брюки, черное пальто развевается при ходьбе и будто сильнее оттеняет и без того алебастровые щеки. Слишком много самодовольства и беззаботности на лице.

– Я сама могу...

– Энграм Хардин, – представляется парень и бодро шагает по коридору, таща за собой розовый чемодан.

Брайт поправляет за спиной рюкзак и торопится следом. Перспектива снова лишиться вещей совсем не радует, но кто знает, какие шуточки в ходу у истинных. Может, через пару минут уже придется собирать свое нижнее белье с деревьев.

– Разве нам не на выход? – Она была уверена, что уже через пару минут будет распаковывать вещи в студенческой деревне, но ее ведут вглубь корпуса.

– Сначала получи форму, первокурсница! – покровительственно усмехается Энграм.

Форма. *Неприятно, но факт.* Кругом снуют девушки в ярких юбках выше колена и черных водолазках. Всего три цвета: бордовый, синий и серый. Не так плохо, как могло бы быть. Никаких белых блузок, у которых от парт чернеют рукава, уже победа.

Брайт никогда не носила форму. В Дорне училась на дому до тринадцати лет, потом в колледже при институте отца в Аркаиме. Там все ходили в чем хотели, поверх носили белые халаты.

Судя по списку вещей, который прислала администрация Академии, выдавали всё, даже верхнюю одежду и рюкзаки, а это напрягало. Брайт обожала одеваться в максимально комфортные вещи. И уж тем более ни за что не отдала бы никому свой рюкзак! Красавчик «Глум» из лимитированной кол-

лекции, весь в нашивках, выполненных на заказ. Шипованные бока, усиленные ремни и артефакт от воров.

Хардин тащит вещи к шумному залу, где толпится народ. Все болтают, едят сладости и пихаются. То и дело вспыхивает магия разных видов, слышатся радостные и яростные визги вперемешку. Компашка черноглазых парней пытается заставить колонку петь, но та только булькает и кряхтит. Девчонки обсуждают новую помаду из суперстойкой серии какого-то известного бренда. Пахнет духами, лаками для волос, средством для обуви. У многих на коленях одинаковые коробки, откуда студенты достают ботинки, студентки – высокие замшевые сапожки, а потом опрыскивают их водоотталкивающим составом.

Обувь тоже выдают? Ну уж нет! Никогда не стану носить замшу.

Слышно, как местная активистка руководит сбором на какой-то мастер-класс. Как первокурсников зазывают на тусовку в корпус Б. Девочки в спортивных платьях репетируют идиотский танец с кричалками, а парни за этим наблюдают с плотоядными улыбками. Это все слишком обычно, и Брайт неуютно. Она чувствует себя самозванкой, которая никогда не станет частью этой студенческой жизни, а будет просто наблюдать ее со стороны и при первой возможности сбежит.

– Добро пожаловать, Брайт Масон, – улыбается Энграм. – Тебе туда. – Он указывает на одну из дверей, откуда выходят довольные девчонки со стопками бордовой одежды.

Брайт протягивает руку, чтобы забрать чемодан, но Энграм качает головой:

– Просто обязан проводить.

– Не стоит, я большая девочка.

– Милашка, ты привлекаешь слишком много внимания, – шепчет он, приближаясь, и кому-то это, может, и нравится, но Брайт кривится.

По выражению ее лица сразу виден весь спектр эмоций, от недоумения до отвращения, и Энграм отступает.

– А я люблю быть в центре внимания. Спасибо за помощь. – И все-таки добивается своего.

Ласковый голос действует не хуже озлобленного, Энг застывает загипнотизированный на пару мгновений и только потом приходит в себя, но уже лишившись чемодана.

– У-у... ведьма!

Он смотрит ей в спину, а Брайт тащится к двери с табличкой «Нейромодификации», откуда как раз вываливается стайка девочек во главе с похожей на сахарную вату блондинкой. Брайт пропускает девочек и идет в комнату, волоча за собой чемодан.

– Здравствуйте, Брайт Масон, – говорит она волшебнице, которая сидит за столом в окружении стопок одежды и вещей.

Волшебница читает древний роман «Любовник из темной башни», закрыв им половину лица и даже не обернув похабную обложку газетой, как обычно все делают ради приличия.

За спиной у волшебницы сама собой отпаривается одежда, порхают, как стайки птичек, носки.

– Стопку по размеру отсюда, пальто оттуда, берет на полке, ботинки в коробке по размеру, рюкзаки на стеллаже, и на выход, – тянет волшебница и смачно кусает яблоко так, что сок брызжет на страницы романа.

Брайт пожимает плечами и решает начать с пальто, потому что до сих пор не согрелась. Идет к вешалкам с верхней одеждой и придирчиво осматривает и ту, что предназначена девочкам, и ту, что для мальчиков. На женской – бордовые твидовые приталенные пальтишки с баской и пояском. В подобное была одета Бэли Теран, только синего цвета. Брайт осматривает пальто и приходит к выводу, что ничего страшнее в жизни не видела. Откровенно девчачий кукольный стиль. Никогда Брайт Масон не носила приталенной одежды и даже не была уверена, что она ей к лицу.

На мужской вешалке что-то поинтереснее. Черные оверсайз-пальто вроде того, что было на Энграме.

Пока ведьма не видит, Би хватает самый маленький размер с мужской вешалки, стопку с женской одеждой самого маленького размера, на ботинки даже не смотрит. Она в прошлом месяце потратила все карманные деньги на новенькие фирменные «Фоксы» и не променяет их на замшевые сапожки с каблуком. Рюкзаки тоже остаются без внимания. Для девчонок там несуразные кожаные ридикюли, в которые с трудом войдут блокнот, кошелек и помада.

Брайт выходит в зал и быстро набрасывает на плечи пальто, тут же оказавшись в таком уютном тепле, что хочется стонать от блаженства, и натывается на придиричивый взгляд светло-серых глаз.

– Это мужское, – строго заявляет Девчонка Сладкая Вата, нагруженная под подбородок вещами.

Одежда, берет, рюкзак – все по списку. На обувной коробке лежит пакетик с бордовыми бусинками-сережками и вельветовым бантиком-резиночкой для волос.

М-м-м... отличница! С чего она решает заговорить – загадка. У девчонки прозрачно-серые глаза и очень-очень белые волосы чистокровной экимки. Такая же иная, как и Брайт, только другой породы.

– И?.. – тянет в ответ Брайт, запихивая свою новую одежду в рюкзак, не заботясь о складках.

Листовку приходится зажать между колен, и она выпадает, но, прежде чем Брайт успевает ее подобрать, это делает экимка.

– Ничего... просто... – начинает она, а потом замирает, внимательно изучая листовку. – Р-1-4? О, мы соседки по комнате! – И она тут же меняется в лице, принимая совершенно щенячье-восторженный вид. – Идем скорее! Все наши уже тут!

Наши?

Глава четвертая

Люди

ЛЮДИ

Лица, относящиеся к какой-либо среде, имеющие общий признак.

В том числе существа.

В том числе обладающие разумом и способностью говорить оборотни.

Брайт Мэсон не была социопаткой. Она *просто* мало с кем дружила в силу своих необычных способностей, *просто* никогда не училась в местах скопления разно-классовых магов, *просто* в ее семье несколько поколений не рождались девочки и никто не знал, как с ними общаться. Она не была нелюбимой намеренно, *просто* жизнь не научила дружить.

Но обычно в компании всегда находилась Девочка Сладкая Вата, такая милая простушка, которая может сплотить несплотимое. Очаровательная мордашка, что пролезет в любую щель, организует любое мероприятие, все продумает и придумает. И вот как раз таких Брайт и боялась как огня. Потому что жизнь-то дружить не заставляла, а вот Девочка Сладкая Вата – могла. И вот соседка Брайт оказывается как раз той самой мастерицей создавать коллектив из группы людей без общих интересов.

Их что, селят в каждую комнату, чтобы поддерживать студенческий дух?

Энграм Хардин во все глаза смотрит, как к стайке приличных девочек присоединяется угрюмая Брайт под руку со Сладкой Ватой:

– Круто, Мэсон!

Две рыжие подружки Сладкой Ваты пищат от восторга и косятся на Энграма, а темноволосая и еще более угрюмая, чем Брайт, девица из их же компании показывает ему неприличный жест.

– Что? Нем, ты не согласна? – вопит ей вслед Энграм, они, кажется, знакомы.

– Только первый день, а ты уже ищешь жертву? А как же всех посмотреть? – смеется брюнетка, и рыженькие начинают пищать еще громче.

– Ты что, его знаешь?

– Я всех тут знаю, – закатывает глаза брюнетка по имени Нем, а Брайт становится неловко.

Она снова чувствует, что попала на тусовку, где все знакомы, а она чужая, но на этот раз еще острее, чем прежде. Ничего нового, впрочем. Но под ложечкой мерзко сосет от желания стать «одной из них», хоть ненадолго.

– Клевые очки, – говорит Сладкая Вата, смущенно улыбаясь. – Значит, ты Брайт. Из...

– Аркаима, – подсказывает Брайт.

– Как круто-о-о! Ты не жила тут? Никогда?

– Нет.

– О, а мои предки стояли на улице Реббе в дни первой революции, – хохочет девчонка с таким видом, будто каждый приезжий обязан знать историю Траминера и понимать, что это за улица Реббе такая. – Ну... первая революция. – Она разводит руками.

Брайт неопределенно качает головой.

– История не мой конек.

– Ты что! Это поворотный мом... ай, ладно. – Она машет рукой. – Ну это та самая революция, когда в Траминере женщины получили право на образование, а простой народ получил право на магию. До этого все носили серебряные браслеты. А, ну и, собственно, магия воды... и стало много приезжих... В общем, почитай... о-о-очень интересно...

Брайт дальше не слушает. Траминер не та страна, история которой ей может быть интересна. Особенно если учесть, что одной революции им явно не хватило, еще пара-тройка переворотов – и, быть может, этот аристократический сброд поумнеет.

– Меня зовут Лю Пьюран, я экимка, – завершает свою лекцию Сладкая Вата и очаровательно улыбается.

У Лю совершенно прозрачные глаза, тончайшая кожа и легкое облачко пушистых белых волос. Она тощая и гибкая, будто тростинка. Типичная воздушница, явно чистокровная. Тем удивительнее, что ее предки живут в Траминере настолько давно.

– Сколько лет назад, говоришь, случился этот ваш переворот?

– Ой, со времен революции прошло лет двести. Или триста? – Она смотрит на своих подружек, и те хмурятся, припоминая точную дату.

Значит, девчонка родилась уже тут. Более того, ее мать и ее бабушка тоже тут родились. И все равно Лю Пьюран для зеленоглазых – иная. И если Лю выйдет из дома после отбоя, за ней тоже будут бегать, как гончие за кроликом, – вот вам и улица Реббе в дни первой революции.

– У моих родителей магазин одежды, – говорит она с гордостью. – А твой?

– Папа ученый, – почти шепчет Брайт, предвидя следующие вопросы. – А маму я никогда не видела.

Девушки выходят на крыльцо и спокойно спускаются по ступеням, даже не обернувшись на Бэли Те-ран, которая проповедует семейность и святость Академии Весны для зеленоглазых первокурсников. При виде стайки девочек, в которой ни одной зеленоглазки, она морщится, будто учуяла что-то дурнопахнущее, и первокурсники тут же всей толпой оборачиваются. Их лица кривятся. Брюнетка-по-имени-Нем гордо задирает нос, Сладкая Вата закатывает глаза, а рыжие девочки смущенно краснеют. Брайт же дико смешно, потому что это все – чертов цирк уродов, и она тут одна из артисток!

И шоу вас не порадует, зуб даю, вы пойдете в кассу возвращать деньги.

Они сворачивают от главного здания к студенческой деревне и идут вдоль череды параллельных одинаковых улиц с указателями, пока не останавливаются перед табличкой «Р-У».

– Это наша улица! – объявляет Лю, и рыжие девочки хлопают в ладоши. – И дом вот тот, крайний справа.

Все выглядит уютнее, чем Брайт ожидала. Белые оградки, милые сады с желтеющими клумбами. У некоторых домов стоят лавочки, растут цветущие кусты или деревья. Сейчас улица вся покрыта золотом и в воздухепряно пахнет осенью. Можно услышать, как стонет вдалеке океан, но отсюда его не видно, хоть воздух и кажется просоленным даже с такого большого расстояния. Студенческая деревня огибает северное крыло Академии, а с юга ее обступает набережная, и Брайт уже не терпитсЯ туда наведаться. Так близко к океану, всего каких-то пятнадцать минут бодрым шагом.

В Траминере красиво, но Брайт невольно сравнивает все, что ее окружает, с родными местами. Аркаим был обычным: каменным, чистеньким. Там не очень много зелени, намешано разных ландшафтов, но активно идут застройка и урбанизация. Леса становятся меньше, реки обрастают заводами, как паразитами. Дома тянутся вверх. Аркаим – машина, колыбель науки и просвещения. В нем бешеный ритм жизни, люди говорят быстрее, короче, проще и по делу. Некогда думать о том, кто из чьей семьи.

О Дорне вспоминать приятнее. Дорн – колыбель свободы

и магии. Погода там изменчива и подчиняется воле темнейшего князя. Сегодня снег, завтра дождь, послезавтра лето. Это веселее, чем можно представить. В Дорне море, залитые солнцем полянки, горы, полные магии.

Траминер... по-своему красив. Он зеленый, сочится светом и благородством, как надменный аристократ в своей чистенькой чайной комнате. Траминер давно перестал быть передовым, он еще две сотни лет назад прогнал из-за страсти к традициям и деньгам. Ничего не изменилось.

– Ой, не терпится на все посмотреть, – пищит Лю и ведет своих соседа в дом.

Два этажа. На первом гостиная и кухня, где копошатся какие-то девочки. Там же маленькая библиотека с письменными столами. На втором этаже четыре спальни, в каждой своя ванная комната.

– А вот и наши хоромы! – объявляет Лю, открывает дверь в одну из спален и обводит ее рукой.

Пять узких кроватей, закрытых плотными пологам. На матрасах лежит стопочкой постельное белье. Возле каждой кровати стоит комод, узкий шкаф с вешалками и одинаковые прикроватные тумбочки. Также в комнате есть большой общий гардероб для верхней одежды, где теперь висят четыре бордовых пальто и одно черное. Имеется даже неплохо оборудованный уголок, где стоит гладильная доска и зеркало в полный рост. В просторной ванной пять одинаковых шкафчиков для полотенец, халатов и косметики.

Ванна. Вот что нужно!

И, пока девчонки затаскивают сумки, Брайт запирается в ванной и умывает лицо холодной водой. Она долго смотрит на себя в зеркале, висящем над раковиной. Вода с лица не стекает, а впитывается в кожу, что может испугать любого до смерти. Глаза сверкают розовым так, что кажется, будто в этот цвет окрашиваются и ресницы. Под ними залегли мешки от бесконечных слез и недосыпа.

– Соберись. Не нарывайся. Держи себя в руках.

Брайт думает об отце. Она пытается смириться с тем, что теперь каждое утро будет смотреть на свое лицо именно в этом зеркале, видеть за спиной именно эту душевую кабину. Что умываться будет именно в этой раковине, а вытирать волосы именно этим полотенцем, что сейчас лежит на полочке в ее шкафчике.

– Соберись. Не нарывайся. Держи себя в руках.

Она пытается принять то, что девочки, щебечущие за стенкой, – ее соседки. Первые соседки в жизни! Совершенно чужие ей люди, которые будут спать рядом, на соседних кроватях. Они первыми будут желать ей доброго утра, первыми поздравят ее с девятнадцатилетием. Они должны будут стать ее семьей? Должны же? Она не знает. Понятия не имеет, должна ли с ними дружить, но, наверное, нужно им все рассказать как есть, это было бы справедливо.

– Вокруг так много людей, папочка...

Энграм Хардин, больной, полоумный придурок, не отли-

пает. Бэли Теран – странная, агрессивная особа. Неизвестный защитник по имени Рейв, который говорил «эта иная». Дружки Хардина. А еще есть преподаватели, однокурсники, и в доме с ней живет еще пятнадцать девочек. И тот охотник, что ее отпустил, кем бы он ни был.

– Я должна просто потерпеть. Полгода. Верно?

Девушка в отражении кивает.

Глава пятая

Существо

СУЩЕСТВО

Живая особь, человек, животное, оборотень.

– Эй, давайте нормально знакомиться! – Лю тянет Брайт за руку, стоит ей появиться в комнате. – Брайт, это Мелона и Овада, они сестры.

Обе рыжеволосые, с карими глазами. Их носы покрыты россыпью веснушек, лица улыбчивые, даже есть морщинки вокруг глаз. Сестры совсем не похожи, если присмотреться. Одна с кукольным крошечным личиком, у второй крупные черты: нос, широкий рот, темные брови. Мелона совсем маленькая, изящная и чем-то напоминает Лю, а Овада неторопливая и немного полная.

– Илунженки, – хором объявляют девочки.

– Погодки, – говорит Мелона. – Так вышло, что я пропустила год. Болела огненной экземой в прошлом году, после поездки в Аркаим! Ой... это же ты оттуда, да?

– Да, я знаю, что такое огненная экзема, – улыбается Брайт.

– Ты всегда в очках? – спрашивает Овада.

Да, у меня светобоязнь.

Нет. Просто вы такие солнышки, что я прячусь.

Да, и не спрашивайте, это личное!

Но увы, Брайт приняла решение, что всем будет говорить правду, потому что так проще жить. Скрывать все равно не получится, она *слишком* странная. Потому тянет очки вниз и откладывает на свою тумбочку, а потом медленно поднимает на соседок взгляд.

– Как красиво-о... – тянут все, кроме девушки-по-имени-Нем.

– Это Нимея Нока, – спохватывается Лю.

Не нужно гадать, это явно фольетинка-оборотень. Черноглазая, с шоколадными кудрями и смуглой кожей. И судя по тому, что она «всех тут знает», видимо, в Траминере она тоже не новенькая. Нимея поднимает руку и лениво перебирает в воздухе пальчиками.

– Привет, – улыбается она.

– А ты, значит... – Лю мнется. – Аркаимка?

– Нет... Я родилась и выросла в Дорне. – Глупо уходить от ответа до бесконечности.

Брайт падает на свою кровать и начинает заправлять в наволочки подушки, чтобы занять чем-то руки. Илунженки – Мелона и Овада – делают это при помощи магии. Их постельное само собой укладывается на кровать. Здорово иметь самую универсальную магию в мире. При должной сноровке илунженки могут вообще всё, достаточно только выучить нужное заклинание. Зато они не отращивают перья и когти, когда выходят из себя, и не начинают петь на неве-

домом языке, вводя людей в гипноз. Они могут всё и не могут ничего. Это так по-человечески.

Нимея тоже начинает разбирать постельное, но, как и Брайт, вручную. Оборотням колдовать труднее всего. Их потенциал скрыт в животной форме, а человеческая или вовсе лишена способностей, или они имеются на самом зачаточном уровне. Лю же весело что-то щебечет, и вслед за кроватями сестер все три оставшиеся приходят в порядок. Наволочка вырывается у Брайт прямо из рук и натягивается на подушку, а Нимея падает от неожиданности, когда простыня решает застелиться самостоятельно. Брайт и Нимея переглядываются и синхронно говорят:

– Не делай так больше!

Лю краснеет.

– Простите, хотела помочь...

Нимея усмехается, пристально глядя на Брайт.

– И кто же ты?

Это нагло, но почему-то ее вопрос смущает гораздо меньше, чем тот, что задала Теран.

– Розовые глаза... волосы длиннющие, кожа будто светится. Я не припомню ни одного класса с такой внешностью. Даже для Дорна это необычно. Разве что...

Но Нимея не решается продолжить. Брайт кивает и сжимает губы, прежде чем ответить. С ее кровати видно зеркало, стоящее в углу, и она долго изучает отражение, которое за всю жизнь успело надоесть. Волосы и правда слишком длин-

ные, но нет смысла их подрезать – это такая же часть ее существа, как перья и когти. Они выются жесткими ломаными линиями и имеют странный цвет, из-за которого, должно быть, Бэли чуть было не приняла Брайт за свою. Дюжина оттенков от медового до темно-коричневого мешаются в пеструю гриву, будто кто-то регулярно каждую прядь отдельно красит. Но самые пугающие – все равно глаза, вот почему люди не всегда могут идентифицировать, кто стоит рядом с ними. Она ничья. У каждого класса свой цвет глаз, волос, кожи. Свои особенности. А Брайт места не нашлось.

– Это не секрет, – выдыхает она, – но я буду благодарна, если не станете болтать.

Девчонки кивают и затаивают дыхание, хоть уже и поняли, что она сейчас скажет. Такие вещи изучают в школьной программе, просто поверить трудно, что такое можно встретить в реальности. Вот прямо в твоей комнате на соседней кровати. Это что-то из легенд и сказок, вымершая раса, ископаемое существо.

– Я... сирена.

Все понимающе ахают. Сестры удивлены, Лю смотрит с жалостью, а Нимея с интересом.

– Моя бабушка... Брайт Масон – старшая.

В Дорне это многое бы объяснило. Брайт Масон была знаменита. Племянница темнейшего князя Габриэля Гера, первая женщина с генами сирены, известная миру. Только это было слишком давно, чтобы и Траминер что-то помнил.

– Ты Брайт Масон... – начинает непонимающе Лю.

– Да. И я, и моя бабушка. Меня называли в честь нее. Моя бабушка – дочь дорнийского дракона Самуэля Масона и чистокровной сирены.

Теперь даже Нимея удивлена настолько, что отшатывается в сторону.

– Но если прабабка – сирена... – Нимея чуть кривится, будто речь о какой-то нежити. – Разве гены настолько сильны...

– По женской линии внешность и магия передаются полностью, я первая девочка со времен бабушки. Мы отличаемся от сирен только... наличием человеческой личины.

– И ты умеешь летать? – спрашивает Нимея.

Брайт кивает.

– И плавать под водой?

Брайт кивает.

– Неплохо... Будет нескучно. – Нимея щурится.

– В кого ты обращаешься? – спрашивает Брайт, не в силах побороть любопытство. Она никогда не приставала к бреваланцам и фольетинцам с расспросами, но тут атмосфера уж слишком располагающая.

– Волчица, – говорит она с гордостью. – А... ты поёшь?

– Пою.

– Красиво?

– Ну... это красиво ровно настолько, насколько опасно. Чтобы слушать настоящую сирену, нужно ей доверять, знать,

что она не убьет. В идеале – любить. Это редкость.

– А как же певицы? Я слышала, раньше сирен за бешеные деньги покупали...

– Артефакты-блокираторы, браслеты, зелья. Это были не сирены, а рабыни, – сухо отвечает Брайт. – Их наряжали в красивые платья, как выставочных собачонок, и заставляли петь.

Девчонки смотрят на нее как на диковинку, и это то, что больше всего раздражает. В Аркаиме сирены тоже были редкостью. Все-таки они не совсем люди. Наравне с драконами сирены передают свою магию бесконечно, стоит затеряться в роду хоть одной капле, и это накладывает на род кучу ограничений сродни проклятью. Девчонки молчат. Нимея смотрит на Брайт с интересом, сестрички не могут определиться с эмоциями, судя по выражению веснушчатых лиц. Лю, кажется, готова заплакать.

– Но твои глаза такие красивые, – шепчет она.

– Видела бы ты их, когда я злюсь, – смеется Би.

– А что тогда? – Нимея щурится.

– Кровь сирены... как бомба замедленного действия. Стоит только вывести меня из себя, и я мигом забываю человеческую речь.

– Это опасно?..

– Я выходила из себя или... – приходит на ум совсем другое чувство, – пугалась до смерти только пару раз. Почти всегда – в присутствии семьи. Папа помогал прийти в себя.

– А как? – спрашивает Нимея, круто изгибая бровь. – Я не расистка, но неплохо бы знать, как спасти свои шкуры, если ты получишь неуд за доклад и огорчишься! – Она явно из тех, кто говорит правду в лицо. – Мы будем твоими соседками, хочешь ты того или нет. Мы маги и уж в восемь-то рук справимся.

– Я надеюсь, до этого не дойдет...

– Да тут чертов ад! – восклицает Нимея. – Те траминерцы, что брюнеты, еще ничего, но блондиночья шайка... это же придурки как есть.

– Блондины?.. Брюнеты?..

– Все траминерцы или блондины, или брюнеты. Считается, что это две древние семьи, предки траминерцев. Гриджо и Мальбеки. Гриджо – блондины. Хотя вообще звучит как старая распиаренная легенда.

– Буду остерегаться блондинов, – смеется Брайт.

Траминерцы, пожалуй, единственная раса, с которой Брайт никогда не сталкивалась и которой никогда не интересовалась. Так или иначе, в Аркаиме она познакомилась со всеми, с кем только можно, и с легкостью могла определить, кто перед ней, и только маги земли воротили нос от любых иностранцев настолько, что даже сами не покидали пределы своей страны.

– Я не знаю точно, как выгляжу в эти моменты. Мои глаза должны темнеть, волосы становятся розовыми, появляются когти и черные перья... Но если я начала петь или говорить

на неизвестном языке – уже поздно. Думаю, что вам нужно меня просто вырубить чем-нибудь тяжелым.

– Это я беру на себя, – улыбается Нимея. – Шарахну по башке бутылкой и скажу, что это всё девчачьи штучки!

Брайт на душе вдруг становится тепло. Приятно знать, что рядом есть человек, который в критической ситуации огреет тебя по голове бутылкой.

* * *

Рейв сидит на берегу, уткнувшись лбом в переплетенные пальцы. Ночь удивительно теплая, и наверняка кто-то из иных высунет на улицу нос, но что-то азарт до сих пор не пришел. А парни, наоборот, развлекаются вовсю: поймали какого-то парнишку-фольетинца и популярно ему объяснили, что такое комендантский час.

– Эй, ты чего? – Якоб падает рядом на расстеленный плащ.

– Тебе весело? – без предисловий спрашивает Рейв.

– Да как обычно... а что?

– Ни-че-го. Кого-то заметили?

– Нет, парни сюда возвращаются.

– А тот фольетинец?

– С ним закончили. Ты сегодня без настроения?

– Совершенно.

Якоб кивает и запрокидывает голову, глядя на небо. Земля трескается за его спиной, из нее стремительно прорастают

иссохшие корни, подставляясь под спину и голову, как шезлонг. Якоб сильный, талантливый и скрытный. Несмотря на теплое общение, они с Рейвом так и не сблизились. Тот же Листан всюду совал свой нос и без спросу влез в жизнь Рейва, в то время как Якоб просто всегда болтался где-то рядом, не привлекая к себе внимания.

– Что-то я тоже без настроения, – вздыхает Блауэр, закидывает руки за голову и хитро улыбается Хейзу. – Тебе не кажется, что раньше это казалось забавным?

– Что изменилось?

– Я не знаю. Ничего.

Прежде чем задать следующий вопрос, Якоб пару минут молчит. Это невероятно долго, если оба напряженно ждут следующей реплики. Ветер беспощадно колет лицо, и одежда кажется совсем бесполезной, так что Рейв ежится, мечтая поскорее уйти и от холода, и от неуютной тишины, но не успевает даже встать.

– Если я спрошу кое о чем, скажешь правду?

Рейв напрягается, но кивает.

– Ты же вчера поймал того нарушителя? И это была не Нимея Нока.

– Нет, не Нимея.

– Поймал?

– Поймал.

– И отпустил?

– Она оказалась сильнее. – Рейв отвечает ровно, на одной

ноте, но, если присмотреться, можно заметить, как он встревожен.

– Врешь?

– Что тебе нужно, Блауэр?

А это уже и вовсе слишком резко. Настолько, что Блауэр улыбается.

– Так нельзя, Рейв.

– Ничего особенного, просто сильная иная.

– Иная? Все-таки это была девчонка?

– Блауэр... – Рейв вскакивает с места и в два шага приближается к кромке воды. Ему кажется, что он слышит со стороны горизонта тонкий женский голос, будто не человек поет, а купающиеся в океане звезды. – Ничего. Особенного. Не было. Повторяю.

– Ты же знаешь, как важно дотянуть до конца года, да?

Рейв молча отмахивается и натянуто улыбается, а потом парой пазов рушит под Блауэром его импровизированный шезлонг и громко хохочет.

– Теряешь хватку. Чего занудил, погнали, а то иные распоясались.

Рейв делает вид, что разговора не было, и выходит не очень убедительно, но Якоб просто обязан поддержать «веселье». Он смеется вместе с Рейвом, а потом они оба замирают, глядя друг другу в глаза.

– Наперегонки? – улыбается Рейв почти искренней широкой улыбкой беззаботного человека.

Блауэр встает, подготовившись сорваться с места.

– До конца причала. Если проиграешь – закатай в мою честь вечеринку!

Они всегда так друг другу говорят, и от избитой фразы на душе становится тепло, будто они снова дети и охота – это просто игра.

Глава шестая

Зоопарк

ЗООПАРК

Учреждение для содержания живых существ в неволе с целью их демонстрации и/или разведения. Запрещено на территории кор. Фолье, кн. Дорн, граф. Бревалана.

Траминерская газетенка напечатала статью, что совсем скоро жизнь истинных станет другой. Будто в насмешку этот опус оказался на кухонном столе, вокруг которого устроились новоиспеченные соседки по комнате.

– Они все больны, – шепчет Лю Пьюран, склонившись над тарелкой с апельсиновым пудингом.

Девочки затащили Брайт на кухню, и она не удержалась – слишком уж жаждала информации, а кто с этим справится лучше, чем Сладкие Ваты?

– И как это проявляется? Вы сами видели? – Брайт не сдерживает яда в голосе, а девочки так активно кивают, что сомневаться в правдивости их слов не приходится.

Конечно, она всё знает о болезни от отца, он пару недель назад вот так же на кухне рассказывал дочери про несчастных траминерцев, но веры этому нет. Что стоило Ордену придумать байку для Масона?

– Они все на обезболе или типа того. Я точно не знаю, но они пьют каждый день таблетки, да, Нем?

– Это не совсем обезбол. – Нимея Нока делает всем по чашке крепкого кофе и садится прямо на столешницу. – Я дружу с одним истинным с самого детства.

Рыженькие воют как дурочки и шепчут: «Энг, Энграм, Энг, Хардин!»

– Расскажешь про них? – Брайт делает глоток кофе и удивленно смотрит в кружку. Вкус разительно отличается от того, что продают в кофейных лавках Дорна или Аркаима. Более насыщенный, крепкий, не сладит и очень вкусно пахнет.

– Да ничего особенного. На самом деле их не так уж и много. И уж точно они не *все* больны. Лю, не болтай лишнего, так и рождаются сплетни. Есть чистые истинные, это местная знать, аристократия. Их и семей-то кот наплакал, ну, может, штук шестьдесят, и на них приходится чуть больше ста детей.

– А остальные что же... грязные? – Брайт недоверчиво косится на Нимею. Неужели траминерцы даже в собственной стране делят людей на таких и не таких?

– Именно. Грязные истинные – это те, в чистоте крови кого есть сомнения. Ну и еще новые иные – это ни туда ни сюда. И вашим и нашим. Это те же грязные, только побогаче. По сути, отличаются они уровнем магии. У чистых он примерно как у нас. У грязных – на уровне обычных земляных магов, то есть почти никакой. Новые тоже не особенно талантливы.

Но чистые зато болеют. У траминерцев лет в четырнадцать, как у большинства магов, просыпается магия и...

– Н-н-н... – Лю качает головой, и все закатывают глаза, даже Брайт смеется.

Она хорошо знает, как гордятся экимцы, что их магия просыпается чуть ли не с младенчества. Есть старая шутка, что это оттого, что у них ветер в голове, и природа хоть как-то отыгралась, даровав раннее пробуждение сил.

– В общем, лет в четырнадцать у грязных просыпается магия. А у чистых... не знаю, лет в шесть, может. В общем, они страдают с детства от каких-то просто страшных болей. Помню, как Э... мой друг, – она многозначительно смотрит на краснеющих сестер Ува, – помирал, если пропускал очередную таблетку. Черт, это выглядело и правда паршиво.

– Так странно, да?.. – тихо пищит Овада и отставляет свою полупустую чашку. – Я имею в виду, ну, раньше же считалось, что траминерцы самые никчемные? В Илунге всегда хохотали над ними, а потом, ну, помните, когда стали появляться эти суперсильные маги. Ну... Видимо, сила далась им не просто так, раз они болеют, да?

Овада краснеет все сильнее и заметно нервничает. Это самая длинная речь, какую Брайт от нее слышала, и, кажется, эта крупная веснушчатая девчонка в себе совершенно не уверена, если не пищит что-то одновременно с сестрой.

– Тебе их жалко? – Брайт не может удержаться от вопроса, и все девочки смотрят на нее – явно и сами не понимают,

какой ответ был бы правильным.

– Наверное... не все плохие?

– Наверное, – кивает Брайт. Но совершенно в это не верит.

– Интересно, почему их так немного? Больных и сильных, – вздыхает Мелона.

Сестры мало что знают про Траминер, и Брайт благодарна им, что не приходится самой зондировать почву. Она совсем немного лучше себя чувствует, зная, что в компании есть две дружелюбные коренные жительницы и две такие же, как она сама, гости.

– Потому что они уже там все друг другу братья и сестры. – Нимея пожимает плечами и смотрит на подруг чуть щурясь, будто пытается посчитать всех в уме. – Мой Эн... друг часто болтал, что если не сбежит из дома, то его женят на какой-нибудь кузине.

– Их и правда так немного... – бормочет Овада.

– Но думаю, что достаточно, чтобы однажды нас всех передавить как тараканов.

– Ты думаешь, они нас изживут? – испуганно шепчет Лю.

– Я думаю, что я понятия не имею, зачем вообще все это. – Нимея хочет что-то сказать, но будто не может и замолкает. – Твой отец. Зачем он работает на них? – Она тычет пальцем в газету и кривит губы, глядя на Брайт.

Та смотрит на ее черный длинный ноготь, оставивший царапину на снимке Траминерского исследовательского центра.

– Он так хорош? – Нимея скрещивает руки на груди.

– Папа?.. Очень... Он изобрел множество... – В горле Брайт образуется ком, и она пытается его проглотить. – Папа... я думаю, он достаточно умен, чтобы им помочь. Аркаимский институт – самый продвинутый в мире. И папа там ведущий... – Снова ком в горле. – Он... наверное, он поможет им.

– Всем нужен шанс, – шепчет Лю.

– Как бы, выздоровев, они вконец не озверели, – закатывает глаза Нимея и уходит на крыльцо со своей чашкой кофе.

Объяснять причины, по которым отец помогает несчастным траминерским детям, Брайт не собирается и оттого не хочет больше тянуть этот бессмысленный разговор.

* * *

О том, что случится вечером в первый же день учебы, Брайт даже не подозревает, когда выходит на крыльцо утром. *Утром ей еще все нравится.* Яркое, как апельсин, солнце слепит глаза и играет с оранжевой листвой, рассыпавшейся за ночь на тротуар словно специально, чтобы завершить идеальную картинку. День хрустящий, как печенье, и пахнет кондитерским шоколадом.

Брайт стоит на крыльце, уже одетая в форму, допивает свой кофе и наблюдает за тем, как из одинаковых домиков выходят люди. Стайки девочек, чаще всего по пять штук (ви-

димом, группируются по комнатам), во главе всегда Сладкая Вата или альфа-девочка. У нее самый высокий хвост и самый собранный вид. В комнате Р-1 – 4 это Лю Пьюран. Этим утром она и правда сделала такой высокий хвост, что стала не просто Сладкой Ватой, а Самой Главной Сладкой Ватой Траминера. Даже проигнорировала форменный беретик, а еще с гордостью приколола к водолазке маленький значок старосты группы.

Среди парней тоже заметна система. Главный мальчик часто или угрюмый сноб, или оболтус вроде Энга. Компашка Энграма Хардина уже прошла мимо домика Брайт, и все они остановились, отвесили ей «утренний поклон» до самой земли, а потом спели хором «Ой, ты нас не заколдуй, красавица-сирена» – старинную песню-прибаутку, которую пели во время застолий бабушки. Разумеется, семья Брайт – исключение.

– Рассказывай, – мрачно вздыхает Брайт, когда на крыльцо к ней выходит Нимея Нока со своей чашкой черного кофе.

Нимея выглядит так, как должна выглядеть студентка Академии Войны. На ней тот же обтягивающий черный свитер, что и у всех. Короткая бордовая юбка (слишком короткая), черные гольфы, как положено, выглядывают из-под бордовых замшевых сапожек. А вот пальто она переделала в более приятное, без пояса и баски, но цвету не изменила.

Круто, но недостаточно.

– Что? – хмурится Нимея и делает глоток кофе.

Брайт тут же с тоской вспоминает отца, который обожал каждое утро готовить завтраки и молот кофеинные зерна ручной мельницей. Он считал, что иначе никогда не получится проснуться как следует, если не выполнить весь ритуал от начала до конца. Брайт кажется, что Нимея Нока – это своеобразная подачка от судьбы за разлуку с отцом. Эта странная грубоватая красотка минут двадцать назад стояла на кухне с мельницей в руке и увлеченно перемалывала зерна, пока Брайт, наблюдая за этим, едва сдерживала слезы.

– Кто есть кто в этом зоопарке, – пожимает плечами Брайт.

– Для начала... что с тобой не так? – щурится Нимея, прячась за своей чашкой, и делает большой глоток. – Что за вид?

Брайт осматривает себя и вздыхает:

– М-м?

– По порядку. – Нимея отступает и складывает руки на груди, как стилист-эксперт из женского журнала «Уич». – Юбка до колена? Серьезно? Водолазка висит, это какой размер? Ботинки... нет, «Фоксы» – это, конечно, круто, но не с гольфами же, лучше сними. И пальто...

– Нет! Никуда не дену!

– А что за ужасная шляпа?

На макушке у Брайт черный «котелок» вместо берета.

– Береты – отстой! – фыркает Брайт и поправляет на пестрой копне свой «котелок».

А проходящая мимо стайка Сладких Ват чуть не давится насмерть возмущенным и совершенно синхронным «А?».

– Мелона! – зовет Нимея.

Рыжая сестричка появляется на крыльце и смотрит на Брайт в упор с тем же выражением, что и Нока.

– Помоги.

Мелона кивает и парой пассивных укорачивает юбку Брайт так, что становятся видны колени, и даже намного-намного больше, гольфы она спускает ниже вручную, перекрашивает их в бордовый. Еще одно слово шепотом – и водолазка обхватывает тело Брайт так, что она хватается за горло, испугавшись удушья.

– Какого черта!? Аккуратнее!

– Да ладно тебе, зато как миленько, – ухмыляется Нимея. – Теперь я могу ответить на твой вопрос.

Все три девушки разворачиваются лицом к улице, и Брайт хочется расхохотаться от того, как это комично. Мелона тоже с чашкой кофе, это похоже на будущую традицию.

– Зоопарк, значит... – Нимея переводит дух и оценивающе смотрит на улицу. – Я живу в этом зоопарке всю жизнь, как и Лю, так что все эти снобы с каменными лицами в моем мире когда-то были сопливыми карапузами. Например, Энграм Хардин. Я думала, что стану его женой, когда мне было четыре.

– А потом?

– Потом я поняла, что превращаюсь в волка, а он в при-

дурка.

Брайт понимающе кивает. Компашка Энграма как раз выделяется перед очередным «девчачьим» домом.

– Это же он твой Эм... друг? – улыбается Мело-на. – Ну скажи «да», пожалуйста-пожалуйста! – Она виснет на локте Нимей, а та закатывает глаза и дергает плечом.

– Если будешь пиццать мне в ухо с утра пораньше, я тебя ночью загрызу, поняла? – Она подмигивает, а Брайт может поклясться, что Мелона совсем капельку бледнеет. – Энграм – это мой друг детства. Я не скрываю этого, но... предпочитаю лишний раз не вспоминать. – На ее губах появляется таинственная улыбка как раз в тот момент, когда Хардин оборачивается на дом Р-1 и подмигивает Ноке с такой дьявольской усмешкой на губах, что у Мелоны, кажется, останавливается сердце. – Если мы закончили говорить о Хардине, позволь я продолжу о зоопарке. Итак... Большинство домов смешанные. Тут тебе все подряд расы. Чистые траминерцы чаще всего живут в отдельных домах, а старшекурсники-старосты вообще селятся отдельно по четыре человека, у каждого своя комната и личный душ.

– А ты откуда знаешь? – тянет Мелона.

– Ой, да я ж с ними со всеми сплю, – машет рукой Нимей, Мелона краснеет, а Брайт смеется.

– Правда?

– Да, они же мечтают окутить бреваланку. Не задавай тупых вопросов, не получишь тупых ответов. Я дружу с Энграм

мом Хардином, и я знаю все. Так вот.

На каждой улице есть «гадкий дом», где живут исключительно чистые истинные траминерцы, – плюет Нимея.

Брайт хмуро смотрит туда, где, по словам Ноки, должен быть «гадкий дом», будто над ним должен развеяться охотничий флаг или вроде того, но все крыши и крылечки совершенно неотличимы, разве что в некоторых дворах чуть попышнее желтеющие кусты.

– У нас это дом У-3 – последний, в самом конце улицы. Они главные старосты, выпускники. И У – уроды.

– И охотники?..

Нимея и Мелона переглядываются, потом смотрят на Брайт и коротко кивают, но обсуждать эту тему не торопятся. Вместо этого Нока как ни в чем не бывало продолжает.

– Скоро будет их шествие, – на одной ноте произносит Нимея, не глядя Брайт в глаза, а потом немного веселеет, будто в одну секунду позабыв, о чем шла речь. – Видишь стайку зефирок? – Она кивает на тех, что возмущались словами Брайт про береты. – Это траминерки, у них вместо мозга родословная, но не без греха. Это и есть новые истинные. К их крови есть вопросыки, родниться с ними настоящие истинные не очень-то и хотят, гонор есть, но к высшему свету они не имеют отношения, ну и магия... никаких тебе суперкорней из земли и прочей мишуры. Все как раньше... попроси у земли, и она, быть может, воздаст, а может, и не воздаст. Ну и они не болеют, если тебе интересно. А денег у них зава-

лись, и их дом напротив того, где живет Хардин. Ходят друг к другу переопыляться.

Брайт косится на компашку Хардина и отмечает, что все там брюнеты, а зефирки – блондинки.

– Продолжаем. Видишь, идет компашка в беретиках? – Нем кивает на очень опрятных девушек. Их пальто застегнуты на все пуговицы, из ворота выглядывают одинаковые черные шарфики. – Эти красотки, как видишь, чистые истинные. Самые чистокровные траминерки, какие только могут быть. Улица-аномалия, блин. Их родители из Ордена Пяти. Эти дамочки пойдут нашим местным аристократам в жены. – Нимея улыбается, оскалив зубы, совсем по-волчьи.

Девушки в компании – и брюнетки, и блондинки, но выглядят одинаково красиво. Брайт смотрит себе под ноги и давит «Фоксом» хрустящий мукатовый лист, не сдерживая улыбки.

– О, а вот наша тема. – Нимея взвизгивает, и ей в ответ визжит стайка брюнеток, а потом все хохочут.

Это явно провокация, направленная на красоток в беретах, но те лишь морщатся. Брюнетки выглядят расхлябанно после красоток. С разными прическами, некоторые замотаны в шарфы, не подходящие по цвету к юбкам. А еще все явно с разных факультетов, хотя до этого компашки были в одну масть.

Дальше мимо проходят несколько вполне приятных группировок, где намешано разноклассовых студентов. Мелька-

ют даже блондинки, и Брайт щурится в их сторону, пытаясь понять цвет глаз, а Нимея подсказывает:

– Это и есть грязные истинные. Мы их называем «нормальные». Как видишь, они обычные люди, чаще всего у них родители иные, но ребенку передается не та магия, что сильнее...

– ...а та, что древнее. Да, знаю, – кивает Брайт, глядя на хорошенькую блондинку, явно траминерку, которая идет под руку с рыжеволосым аркаимцем.

Большинство студентов будто и не замечают, что у них у всех разные глаза, волосы. Они легко объединяются между собой и шествуют по улице компаниями по двадцать человек. Это выглядит весело, будто все тут друзья.

– Вон, смотри, это...

Нимея стихает и пристально смотрит в самый конец улицы. Мелона отступает.

– А вот и старосты, – шепчет Нока.

Их четверо. У троих пальто застегнуты под горло, у одного разлетается, будто плащ. Он привлекает внимание Брайт, и она невольно делает шаг вперед. Делает глоток кофе, будто иначе эта четверка пройдет мимо и заморозит его прямо в кружке. Три блондина, один брюнет. Идут быстро, уверенно. Одинаковые сумки через плечо.

– И опасаться стоит того, что в расстегнутом пальто? – спрашивает Брайт.

– Как ты догадалась?

Это не трудно. Брайт вообще будто и не замечает других, слишком они кажутся ей блеклыми. А вот *он* замечен сразу. Обгоняет всех буквально на полшага, не больше. В нем будто нет ничего особенного. Сначала кажется, что он выше остальных, но нет: блондин, шагающий справа, явно опережает на пару дюймов. Кажется, что его волосы самые длинные, но нет: тот, что идет слева, явно обладатель более шикарной шевелюры. Кажется, что черты его лица самые тонкие, но, если смотреть правде в глаза, у единственного брюнета в компании внешность пофактурнее.

Но совокупность всех присущих ему черт как будто бы все равно лучше, чем отдельно взятые рост, волосы, привлекательность остальных старост.

– Рейв Хейз, – говорит Нимея. – Сын мэра Бовале. Его отец – основатель Ордена Пяти.

Брайт вздрагивает. Во-первых, блондин в пальто нараспашку еле заметно поворачивает голову в ее сторону и чуть щурится. Это даже не интерес, просто случайность. Во-вторых, Блэк Масон в заложниках у Ордена Пяти, и его жизнь по-прежнему в их руках. Как и жизнь самой Брайт. В-третьих, это тот самый Рейв, который защитил Брайт от Бэли Теран на крыльце. Если, конечно, в Академии не учится еще кто-то по имени Рейв. В-четвертых... Брайт обещала себе, что не забудет это лицо никогда. Бледное, светлые волосы падают на лоб, широкие темные брови. И шепот: «*Я жду!*»

Тот, кто ее отпустил, и тот, кому она обещала, что он по-

жалеет о своей щедрости. И если прямо сейчас он немного повернет голову, то тоже ее увидит.

Она разворачивается на каблуках и, пробормотав что-то про забытые тетради, уходит с крыльца.

Глава седьмая

Провокация

ПРОВОКАЦИЯ

Побуждение к действию, способному повлечь за собой непоправимый, тяжкий вред.

Рейв гипнотизирует взглядом пылинки на подоконнике. Они настолько же земля, насколько почва под ногами, а значит, не могут не подчиняться истинному. Рейву они подчиняются. Тянутся вверх, складываясь в невесомые полупрозрачные картинки. Горный пейзаж. Облака. Прекрасный цветок. Женское лицо.

Рейв хмурится, между бровей залегает складка, и лицо становится строже, напряженнее. Взгляд, на секунду посветлевший, темнеет. Пылинки оседают.

Брайт Масон. Пленная его отца. Конечно, Рейв знал, что рано или поздно они встретятся, но оказалось, что даже жить им суждено на одной улице. Он ее, конечно, узнал. С того дня как она появилась в Траминере, ближе всего они оказались позавчера. Еще долго после он стоял там на берегу, прижавшись лбом к холодной стене, а ледяной ветер клинками полосовал кожу под плащом.

Вчера он торчал на берегу и был уверен, что слышит песни сирен, но совершенно точно просто это себе придумал.

Она убегает от него каждую ночь во сне, или сыплет проклятиями в его гостиную, или пишет на стене помадой «козел». Она с ним что-то сделала, не иначе. Нужно выяснить что, и как можно быстрее. *Это* не должно оказаться от него так близко. *Это* опасно.

– Я на ней женюсь! Нет, правда! – хохочет Энграм Хардин, и Рейв видит, как напрягаются руки Фандера Хардина, сидящего верхом на первой парте. – Она просто что-то! Я как услышал этот ее голос, аж мурашки...

– На ком это? – Фандер не сдерживается.

Рейв знал, что так будет, но, пока не прозвенел звонок и не начался старостат, не имело смысла призывать молодняк к тишине. На первой парте первого ряда сидят его друзья, главные старосты Академии. Справа от них – девчонки-пятикурсницы, строгие, собранные, уже приготовились записывать за Рейвом. Шеннен Блан (ее отец – один из лидеров Ордена) сидит ближе всех к Рейву с идеально ровной спиной и очень быстро заполняет бланки посещений за первый день. Крошечный камушек на кончике ее карандаша качается из стороны в сторону. Она не грызет карандаш, не стучит им по кончику носа, не бьет по парте, задумавшись над чем-то. Шеннен похожа на картинку, как и весь Траминер, и это даже умиляет. Бледная, с длинными блестящими волосами, широкими темными бровями и пушистыми ресницами. Она идеально подходит этому месту, и, быть может, однажды отец скажет, что именно эта девчонка станет его

женой. И она будет бродить по дому Хейзов в шелковом домашнем платье и пить с матерью Рейва мятный чай. Рейв может себе это представить. Даже слишком хорошо. Он был готов к тому, что не в этом месяце, так в следующем о чем-то подобном ему сообщат, но, глядя сейчас на Шеннен, думает, что все-таки она слишком хороша, и от этого на языке появляется приторный вкус, а скулы сводит от внезапного приступа тошноты.

На последней парте – Энграм Хардин и его дурная компашка. Пора готовить речь о смене старост четвертого курса, потому что от них больше проблем, чем пользы. Третий курс во главе с Бэли Теран. Три ее девочки отчаянно строят глазки компашке Энга. От второго курса кучка испуганных новичков-парней, они впервые на старостате, жмутся друг к другу в уголке. Первокурсников на такие мероприятия обычно не зовут.

Старосты по традиции траминерцы, по одному от каждого факультета и один главный, как правило, курсу к третьему эти четверо начинают дружить, а к пятому заселяются в общий дом. Старая добрая традиция, и Рейву она нравилась. Быть старостой – привилегия. Старосты – это иллюзия порядка.

В этом году правила решили изменить, и впервые появились староста-экимка Лю Пьюран, девчонкаоборотень с лечфака и илунженка-ветеринар. Безумие! Так они показывают, что никакой войны нет, что рады всем классам, что трами-

нерцы не расисты. Ложь, причем наглая и обнаженная, как девицы в порту Небиолло. Мало того, этот широкий жест неуместен на пороге революции, быть может, войны, но тем не менее иные – в старостате и будут раз в неделю таскаться туда со своими отчетами.

– Ты видел новенькую? – Энг встает со своего места на последней парте, а его друзья свистят, подначивая.

Братья сверлят друг друга взглядом. Они очень похожи, оба бледные, черноволосые, кудрявые. С тонкими аристократическими лицами и длинными пальцами.

– Которую из? – ухмыляется Фандер.

Он обожает «смотреть» первокурсниц-траминерок. Но Рейв уверен, что речь о ком-то другом. Энг – отбитый тип, у него играет в заднице детство. Мистер Хардин никогда не ставил на младшего сына и, кажется, даже не посвящал его в дела Ордена.

– Брайт Масон, – со вкусом произносит Энграм и падает на парту, так что та ходит под ним ходуном.

Пальцы Рейва замирают над пустыми бланками успеваемости. Пылинки в воздухе снова собираются в женское лицо. *Твою мать.*

– Малон? – Фандер еще не понимает, о ком речь. – Масон?.. Она из Бовале? Или это та семейка с юга? У которой тачка...

– Она иная, – мрачно произносит Рейв. – Всё? Я решил проблему? Фан, расслабься, ты не пропустил очередную чи-

стокровную юбку. Энг, расслабься, тебе не дадут жениться на ком-либо помимо чистой истинной. Мы можем начать?

Энграм закатывает глаза, будто законы траминерской аристократии для него не писаны и его не ждет рано или поздно женитьба. Звенит звонок. Рейв не намерен слушать перебранку, которая вот-вот начнется. Фандер – будущий орденовец, он не стал бы даже смотреть в сторону такой девочки. Энграм – из другого теста, и им никогда друг друга не понять. А Рейву не нужны скандалы. Все может дойти до драки, драка дойдет до деканата, выговор – до Рейва, и, ради святых сил, это может привести к ОПР, а он очень многое бы отдал, чтобы ни во что не вступать. Это его последний год, и он должен пройти так же безупречно, как и все остальные.

Мысли снова возвращаются к Шеннен Блан. Ничего не решено, а Рейв уже этого боится. Под ложечкой сосет чувство тревоги, сердце будто не стучит, а раз за разом проваливается в какую-то яму. Рейв, сын мэра Бовале, один из траминерских охотников, потомок Ордена Пяти, больше всего на свете в конце этого года хочет получить свой идеальный аттестат и тихо подать документы в Аркаим, чтобы уехать из проклятого Траминера. Он прекрасно знает, что это невыполнимо, но искренне надеется, что имеет право по крайней мере постараться.

Траминерцы никогда еще не поступали в заграничные академии, Рейв даже не уверен, что его документы рассмотрят, но, быть может, если доказать, что он лучший? Он пред-

ставляет, как однажды придет к отцу и скажет, что отказывается от всего. Тот возразит, что Рейву не на что будет жить, а Рейв скажет, что у него стипендия в аркаимском университете, научная работа и подработка в алхимической аптеке. Он мысленно все распланировал, мысленно он уже там. Главное – дожить до конца года.

Учеба – то единственное, что он сделал в своей жизни сам и для себя. Он учился не потому, что его заставили, а потому, что он это любит. Ему искренне нравится видеть внизу листа с заданием отличную оценку, нравится думать о том, чтобы однажды стоять в белом халате с лунным ножом в руке и изучать ровные края живого надреза. И чем ближе к выпуску, тем желаннее и в то же время невыполнимее кажется мечта. Он ждет, когда к нему придут и скажут: женись на дочери Бланов и после окончания учебы вступай в Орден, сын-нок. Ты служил ему в качестве охотника три года и заслужил место рядом со мной, как и полагается любому уважающему себя траминерцу.

Рейв смотрит по сторонам, пытается выбросить лишнее из головы и цепляется к спорящим Харди-нам.

– Поорете друг на друга позже по этому поводу, – спокойно произносит Рейв и откашливается. Быть старостой ему тоже нравится. Он любит порядок и ответственность, ему нравится думать, что хоть что-то им контролируется. Нравится видеть результаты. Этот год в качестве главного старосты кажется концом идеального пути. – Сейчас... – начинает

он, но его перебивают, глаза Фандера уже полыхают недобрым изумрудным огнем.

– Иная? ОПЯТЬ?

Он ревет, а Энграм идет пятнами.

– Брат, да ладно тебе...

– Фан, слушай, а я согласен с малышом Энгом, – тянет Якобин Блауэр с плутоватой улыбкой.

Рейв устало трет глаза и издает неопределенный раздраженный рык. *Да они издеваются.* Почему Брайт Масон портит даже старостат, на котором и в помине нет не то что ее – ни одного иного в принципе?

– Вы видели эту девочку? М-м?

Это просто попытка усмирить братьев, Рейв знает. Якоб редко присоединяется к сплетникам, он самый надежный из всех. Блауэр встает со своего места и тянет Фандера, чтобы тот сел, но безуспешно.

– Закрой рот, Якоб! – Фандер не умеет держать себя в руках.

Он много раз ловил брата на горячем в компании «не таких девчонок». И неоднократно в Академию заявлялся мистер Хардин с разговором к младшему сыну. Чего только стоила дружба Энга с Нимеей Нокой. Эти двое были неразлучны с самого детства и пропадали в саду Хардинов с утра до ночи, пока не вышли из возраста лазанья по деревьям.

– Ну-ну, не заводись. – Якобин кладет широкие ладони на плечи Фандера. – Малыш поиграет и остынет, ты же знаешь.

Ну поймеееет ее разок-другой. Ты видел? Она тут всех завела этим своим *голосом*. – Он смеется и подначивает остальных парней перевести все в шутку.

Те начинают гоготать. Бэли Теран не выступает, но по ее лицу видно, что ей есть что сказать. Яд кипит у нее в горле и уже подступает к зубам, растворяя эмаль, вот-вот красotka не выдержит и начнет шипеть.

– Да уж, я не романтик, но у нее розовые глаза! – Листан, четвертый староста-выпускник, откидывает с глаз длинную пепельную челку и вытягивает ноги. – Согласен. Она действительно ничего.

И этот туда же. Рейв уже зол. Они собрались работать, а не обсуждать *Брайт Масон*. Это отвлекает. Он не собирался вспоминать это недоразумение, обещал себе, что до конца дня не допустит никаких мыслей, выводящих из себя. А Масон выводит. Он думал, что эти полгода она будет вести себя смирно, но увы. И пальто у нее не как у всех, и на голове «котелок», и юбка короче некуда. Она провоцирует окружающих, и это может дорого обойтись.

– Если начистоту... – Якобин снова усаживает Фандера. – Я уверен, что она чистокровная сирена. А вы слышали, что они...

– Хватит! – рявкает Рейв. – Мы тут устроили старостат на тему Масон?

– Вот именно! – *Ну приехали, Бэли Теран в деле*. – Эта мерзкая девка не повод, чтобы ругаться, верно?

– Молчала бы, Теран! – стонет Энг, закатывая глаза.

– Ты будешь ее защищать? – кричат все.

Фандер срывается с места, Бэли визжит в притворном страхе, а братья сталкиваются носами.

– Заруби себе на носу! – шипит Фандер Энграму.

– Не указывай мне, что делать!

– Я сказал, заруби себе...

– Не указывай! Мне! Что! Делать!

– Еще одна связь с иной, и я...

– Что? Пожалуешься папочке?

Рейв мог бы позвать охрану и все прекратить. Мог разнять парней и развести в разные углы. Спокойно, без нервов. Но он все еще надеется, что все закончится хорошо. Что это недоразумение и нужно просто прикрикнуть. Это только первый день, почему все рушится так быстро?

– Закрыли рты оба! – велит он, вставая со своего места. – Мне неинтересно слушать о Брайт Масон!

Парни было приходят в себя. Растерянно моргают, даже отступают друг от друга.

– Что? Мне показалось? – Тихий голос, почти вежливый, – и в приоткрытой двери появляется безумие с розовыми глазами.

Ей в спину светит солнце из огромного окна-аквариума. Она не улыбается, стоит, вздернув бровь и нахмурившись.

– Я слышала свое имя, меня звали?

Ее юбка короче, чем положено, на ногах шипастые мас-

сивные «Фоксы». Волосы спускаются чуть не до колен, кое-как перевязанные черной лентой на уровне лопаток, и из-под этой копны выглядывают, кажется, только огромные лилово-розовые глаза. На плече у нее несуразный рюкзак, слишком большой и неженский. Она стоит и ковыряет на нем нашивку ногтями с облупившимся лаком.

– Да кому ты нужна? – Пока Рейв соображает, что сказать, Бэли Теран срывается с места. – Никто тебя не звал,шла вон отсюда.

Брайт переводит на нее взгляд, а у Рейва все внутри напрыгается от необъяснимого чувства тревоги.

Снова. В который раз за день это предчувствие. Брайт не отвечает, но ее пухлые губы нехорошо изгибаются в улыбке. Рейв замечает каждую деталь в ее позе, выражении, угловатой тощей фигуре. Ему бы просто подойти и выставить девочку за дверь. *Три... два... один...*

– Что уставилась? Не понимаешь человеческий язык? Иди. – Бэли машет рукой, будто говорит с ребенком или умственно отсталой.

Никто даже не успевает ничего сообразить. Энграм и Фандер еще готовы вцепиться друг в друга, а Рейв – выставить Масон. И только Бэли Теран для себя уже все решила.

– Иди отсюда! – произносит она и легонько, совсем легонько толкает Брайт Масон в грудь.

Глава восьмая

Начало

НАЧАЛО

Исходная точка. Противоположное концу.

– В первый учебный день, мистер Хейз? Вы не справляетесь со своими обязанностями или мне кажется?

– Вам кажется, сэр.

– Почему вы не предотвратили перебранку?

Потому что стоял и рассматривал лицо проклятой индейки, пока она злилась.

– Неверно оценил... риски. Думал, что все закончится простым спором.

– Что делала первокурсница, *не староста*, Брайт Масон на старостате?

– Не могу знать.

– Я отправил ее в кабинет медсестры. Уже должна была вернуться. – *Куда? Снова придется лицезреть это лицо?* – А с сегодняшнего вечера она будет выполнять ОПР. Три отработки.

– Мне нужно за этим проследить? – Яд никуда не пропадает из голоса, хоть декан уже смотрит недобро.

– Вы не сможете. Потому что тоже будете выполнять ОПР три последующих вечера. Библиотеке жизненно необходима

уборка.

Мир стремительно рушится, чтоб его! Первая отработка за шесть лет! Первое позорное наказание!

– Я... что?

– ОПР, мистер Хейз. Общественно. Полезные. Работы. Вы знаете правила, вы главный староста. Кто, если не вы, подаст положительный пример распоясавшимся студентам?

Рейв кивает, его лицо каменеет, чтобы ненароком не выдать эмоции, разрывающие нутро.

– Должен ли я донести до еще каких-то студентов о наказании...

– Вы о Бэли Теран?

Дрянь! Какая же эта Теран мерзкая дрянь.

– Полагаю, что, если мы сейчас отправим мисс Теран на ОПР или снимем ее с должности старосты... – Голос декана меняется, и Рейв расслабленно выдыхает.

В целом они с деканом Гаджи в прекрасных отношениях. Истинный, не связан с Орденом. Условно чистый, хоть и не наделенный ни силами, ни болезнью. Ни одного пятна на репутации, отличный специалист и практикующий целитель-нейромодификатор. Эмен Гаджи был совсем молод, и никто не понимал, зачем такому блестящему специалисту преподавание, а Рейву нравилось именно это. Не такой, как все, выше всех. Он любил, когда человека есть за что уважать, и терпеть не мог тех, кто просто треплет языком. А еще видел в декане для себя пример и рассчитывал на то, что

по окончании учебы этот человек поможет с поступлением в аркаимский университет на магистратуру. Если, конечно, не придется слишком часто отрабатывать ОПР.

– ...Она просто не даст иным жизни, – заканчивает Гаджи после недолгой паузы и смотрит в окно, закусив нижнюю губу и морща нос.

– Я согласен с вами. – Сказать это очень сложно.

Рейв буквально чувствует, как предает своих, потому что защищает *чертову* сирену, не позволяя отдать ее на растерзание Бэли Теран.

– Брайт Масон не просто студентка. Она сирена, если вы поняли.

Рейв коротко кивает. Только идиот не понял, кто эта девчонка. И половина студентов в ужасе, а вторая в ярости, потому что *существо* учится наравне с ними. Она не просто иная, она *абсолютно* иная.

– У нее невероятный потенциал. И невероятная сила. Провоцировать Бэли Теран – это провоцировать Брайт Масон. Накажем старосту Теран, и она отыграется на студентке Масон, та взорвется и уничтожит полшколы.

Час назад стычка Теран и Масон закончилась тем, что розовоглазая паразитка запела. Почти запела. Ее голос стал высоким, мелодичным, и все девятнадцать старост, не считая Рейва, захлебнулись восторгом. Их магия стала выходить из-под контроля, парты взрывались щепками, пол ходил ходуном, сыпалась штукатурка. Ногти Масон заострились, в во-

лосах появились мерцающие черные и розовые перья, глаза дико засветились. Она стала пугающе прекрасна, как будто сошла со страниц книжки. *Ну же, Рейв, останови ее. Прими силу. Она погубит всех присутствующих одним взмахом ресниц, если захочет.* Но он был не в силах даже руку к ней протянуть, потому что ему очень хотелось увидеть, что будет дальше. Сирена в деле – это увлекательно, как минимум. Уже после дошло, что так работает гипноз этой дикой девицы. За это наказан. Справедливо.

Он малодушно побоялся приближаться к Масон. Ему показалось, что, если коснется ее плеч и встряхнет или если зажмет ей рот рукой – случится что-то кошмарное сродни тому, что произошло на берегу Таннатского океана. Нельзя приближаться к Масон, нельзя ее трогать, смотреть на нее. Говорить с ней тоже не стоит, и тогда все будет хорошо. Она стала запретным плодом с самой первой минуты, как появилась в его доме, – и это катастрофа.

– Что вы предлагаете? Вам не кажется, что Брайт Масон не вписывается... в концепцию Академии?

– Нет, не кажется. – Декан переплетает пальцы и упирается в них лбом. – Совсем не кажется. Кажется мне другое. Что все тут вообще *забыли* концепцию Академии. Как там говорят? Академия Войны?

Рейв молчит.

– В войну заигрались, ребята. Вы все тут будущие целители...

– А как же ситуация в стране?

– А это меня уже не волнует. Если я узнаю, что в Академии – хоть один охотник, – тихо говорит декан и смотрит Рейву прямо в глаза, – я разберусь с ним радикально. Есть что сказать на этот счет?

– Нет. – Рейв не боится.

Все слишком далеко зашло. Когда три года назад отец сказал, что Траминуру нужна сила молодых истинных, это казалось логичным. Никто из магов земли не сравнится по силе со ста тридцатью четырьмя чистыми истинными, из которых были отобраны две дюжины, чтобы иногда патрулировать улицы. Когда это в шутку стали называть охотой, а слава об этом стала распространяться по Траминуру, Рейв смирился с неизбежным. Он все понял. Когда его попросили скрывать участие в охоте, чтобы никто не решил, будто траминерцы опасны, он согласился. А когда соглашаться и понимать перестал, было уже слишком поздно. Быть охотником Ордена – обязанность. Работа. Сыновний долг.

– Иди. И попроси Масон зайти ко мне через пять минут, она ждет в коридоре. – Декан смотрит будто сквозь стену, и Рейв не сомневается, что, когда выйдет, увидит там Масон, сидящую с самоуверенным, наглым выражением лица.

Он срывается с места, ему жизненно необходимы эти пять минут, чтобы вправить идиотке мозги. Она мешает, лезет куда не просят, ведет себя как не должна. Одевается неправильно. Она иная, в конце концов.

Масон сидит на пухлом диванчике в темном коридоре и изучает свои худые коленки, торчащие из-под бордовой юбки нейромодификатора. Они на одном факультете, как иронично... его новая головная боль еще и под его «защитой» и «опекой». Масон выглядит так, будто перепугана насмерть. Шмыгает носом, комкает подол. А Рейв думал, ее ничем не пронять.

– Ну привет. – Его голос звенит сталью, словно заговорили схлестнувшиеся клинки.

Сейчас они впервые заговoryт. А хочется подойти, схватить за плечи и трясти, пока глаза Масон не позеленеют, а волосы не станут белыми. Так было бы проще жить. Девчонка дергается и поднимает свои розовые глаза, в них блестят слезинки, делая радужку прозрачной, еще более мистической. У Рейва опять есть пара секунд, чтобы ее изучить, в этот раз она совершенно другая.

В их первую встречу щеки Масон лихорадочно горели, а адреналин делал взгляд диким. Во вторую встречу она была убийственно спокойна. Стояла на крыльце с чашкой кофе и смотрела на проходящих мимо как на животных в зоопарке. С интересом. Третья встреча – взрыв. Дикий взгляд и чуть дрожащая верхняя губа. Сейчас она будто обнажена. Неуверенно встает с диванчика и отпускает край юбки, прихватив бутылку воды, стоящую на чайном столике.

– Какого черта ты ворвалась в аудиторию? – Вопрос слетает с губ быстрее, чем ему придумывается объяснение.

– Я думала, меня зв-звали... – Она не заикается, но ей будто не хватает воздуха.

Она не выглядит жалкой, а Рейву так хочется увидеть, что она просто обычная трусливая иная, которая не стоит его внимания. *Просто. Самая. Обычная. Иная. С розовыми. Глазами.* Он силится в это поверить, пока Брайт Масон мнет бутылку, щелкая пластиком снова и снова.

– Какого черта напала на старост?

– Это был вз-взрыв магии, я этим не управляю...

Она закашливается, отвинчивает крышку и делает пару глотков. Рейв только что решил, что будет представлять Масон обычной иной, – но нет. Вот, пожалуйста, новая странность. Каждый глоток простой воды делает кожу девчонки более розовой, свежей, гладкой. Становится заметно, как она осунулась и посерела после всплеска магии и как вода возвращает ее к жизни.

– Какого черта ты, нестабильная иная, забыла в Академии целителей?

Она молчит. Он делает к ней шаг. Она задирает подбородок, глядя ему прямо в глаза, и тут же со стоном отворачивается.

– Что?

Она будто не может выдержать взгляд, ей будто физически больно это делать.

– Я спросил...

– Ничего. Просто мерзко смотреть на вас, чертовых раси-

стов. — Из ее горла вырывается смешок, ледяной и ядовитый. Она слишком спокойна. — Знаешь, я никогда не была нестабильной. — Она медленно поднимает голову и делает вид, что смотрит ему в глаза, но это на самом деле *не так*. Смотрит сквозь него, на губах играет улыбка. — Но в вашем волчьем логове и не так *запоешь*.

— Так убирайся...

— Увы, *убраться* мне некуда, так что придется вам меня потерпеть.

Она это выплевывает с такой яростью, что Рейв дергает подбородком вверх. *Скажи ей все! Ну! Отчитай, вправь мозги, назови грязью, чокнутой иной. Угрожай. Пригрози, что, если она будет соваться куда не просят, ее отец... пострадает. Ну?*

— Декан тебя ждет, — сухо говорит он, разворачивается на каблуках и уходит.

Глава девятая

Разговор

РАЗГОВОР

Словесный обмен сведениями между существами, способными облекать мысли в слова.

Прим.: кроме случаев, когда в нём участвует сирена.

Декан выглядит так, будто собирается отчитывать, но очень этого не хочет. Его поведение подкупает. Он произносит до боли знакомую фразу:

– Будьте осторожны, Брайт. – И из-за нее возникает ощущение, что рядом отец.

Брайт сначала даже дергается, чтобы начать задавать вопросы, но декан Гаджи тепло улыбается и качает головой. Он совсем молодой, черноволосый, с заросшим щетиной бледным лицом и темно-зелеными глазами. Они не такие яркие, как у большинства встреченных Брайт траминерцев, – возможно, это как-то связано с тем, что он обычный истинный, а не супермаг, большой неведомой болезнью. Гаджи не такой дерзкий, как все, он кажется умиротворенным, умудренным и крайне милым. Совершенно на истинного не похож. И смотрит так, будто всё знает и понимает.

– Конечно, ваш отец общался со мной, прежде чем вы сюда приехали. Я знаю все о студентах своего факультета. Но я

не поддерживаю с вашим отцом связь.

Надежда в глазах Брайт тает. А потом декан Гаджи назначает наказание за срыв, и Брайт печально тащится в деревню, чтобы переодеться и поесть перед общественно полезными работами. Первый учебный день провален в полном объеме. На взрыв кабинета старост, поиск деканата и кабинета медсестры ушло почти два часа, и за это время успела начаться и закончиться одна пара, прошла половина второй, и не было смысла идти на третью. И где была Нимея со своей бутылкой, когда была так нужна? Тюкнула бы по макушке, и не случилось бы ничего.

Брайт выходит из Академии и с наслаждением отмечает, что в парке ни одного студента. Аллея пуста, путь свободен. Никаких споров, никаких ссор. А потом – хлопок за спиной, и приходится сжаться в ожидании очередной необходимости говорить.

– Проводить?

Она оборачивается и качает головой, но губы против воли изгибаются. Энграм Хардин, раскрасневшийся, с расстегнутой на две пуговицы рубашкой и кое-как намотанным шарфом.

– У меня есть выбор?

Уголки его губ сначала опускаются вниз, а потом появляется широкая, обнажающая ровный ряд белых зубов улыбка.

– Брось, – смеется он. – Неужели не ясно, что я тебе не враг?

– Но с чего ты взял, что мне нужны не враги? – закатывает глаза Брайт и все равно кивает. – Нет сил сопротивляться... – вздыхает наконец она.

– Правильное решение, госпожа Сирена.

Энграм Хардин бросается по ступеням к ней, берет ее рюкзак и закидывает его себе на плечо.

– Ты ужасен, – констатирует Брайт.

– Не преувеличивай! – хохочет он. – Я очень даже привлекательный, по мнению абсолютного большинства, и, даже если ты скажешь, что это не так, я тебе не поверю. Тебе уже снилось, как я тебя целую? Нет? Ну, я подожду.

Брайт снова закатывает глаза и предпочитает не отвечать, пока Энграм Хардин нагло рассматривает ее рюкзак. На его идеальном, кукольно красивом личике – следы взрыва магии Брайт, кажется, неудачно отлетевшая щепка послужила невольной виновницей глубокого пореза. У Брайт ни одной травмы. А старосты пострадали прилично, по крайней мере им всем необходимы душ и стирка формы.

– Так-та-ак... – тянет он. – Кто-то любит грязную музыку?

– Тебе откуда знать, истинный аристократ? – Брайт качает головой, не обращая внимания на Энграма, который нагло ковыряет нашивки, тянет лямки рюкзака, будто проверяя на прочность. – Чего ты там рассматриваешь? Он не в твоём стиле, присмотри представительский кожаный портфельчик.

– Не делай вид, что знаешь меня, госпожа Сирена, – заявляет Энг и снова закидывает рюкзак на плечо. – Ты интерес-

ная особа. Тебя не исключили за вспышку магии?

– Нет.

– Почему?

– Меня не могут исключить.

Брайт мрачнеет. Глубоко вдыхает пряный воздух и разминая шею, будто та затекла. Кутается в пальто. Сильно пахнет сладкой выпечкой, и Брайт невольно крутит головой. В животе урчит от голода, и хочется кофе; приходится прибавить шагу, чтобы не свалиться в обморок. После такого всплеска магии организм истощен. Выпитая бутылка воды помогла, но не настолько, чтобы прямо сейчас пробежать марафон до деревни и обратно. Это минимум полчаса.

– Это как?

– Я тут в тюрьме. – Из ее горла вырывается насмешливое «ха», а Энг хмурится.

Он вдруг сворачивает с аллеи, ведущей в деревню, и усаживает Брайт на холодную деревянную лавочку.

– Что? Я вообще-то хотела пообедать и идти отбывать принудительные работы.

– Пикник? – улыбается Энг.

– Не интересуется.

Но с Энграмом спорить невозможно, он машет руками и призывает к тишине.

– Одна нога здесь, другая там.

В центре парка стоит крошечный деревянный киоск, в котором пухлая волшебница продает сладкие пышные булочки.

ки, посыпанные хлопьями миндаля и политые соленой карамелью. Вот откуда божественный запах. И, кажется, волшебница готова обогатиться на обеде, когда студенты вывалият из Академии в поисках еды. Она расставляет на прилавке, которому неведома осенняя прохлада, подносы со сдобой.

– Какой кофе пьешь? – на ходу спрашивает Энграм.

– Черный без сахара, – очень тихо отвечает Брайт и неуверенно улыбается.

Принимать ухаживания оказалось очень просто. Никаких вопросов, обещаний, вторжений в личное пространство. А как теперь поступать? Вернуть Энграму деньги за кофе и булочку? Или друзья такое делают бесплатно? А они друзья? Нет. Они даже не знакомые.

Но очень хочется с кем-то поговорить, чтобы сбросить с больной головы на здоровую, освободить мозги от мусора. Кажется, нужно принять неожиданные дары и заткнуть совесть. А еще душит невероятная благодарность, потому что через пару минут замерзшие пальцы греет стаканчик черного кофе, а на колени теплым котенком ложится бумажный пакетик с тремя булочками.

– Ну что? Я волшебник?

– Нет, – вздыхает Брайт, с наслаждением глядя на булочку. – Ты богатенький мальчишка, который все делает по-своему.

– А ты ешь и плати мне за булочки рассказами, – смеется он, хоть ничего смешного никто и не сказал.

– Ты все время смеешься? Это странно.

– Я не пойму, госпожа Сирена, ты что, никогда не влюблялась?

Брайт давится кусочком миндаля и отставляет на лавочку кофе.

– Ты что несешь?

Надо бы схватить вещи и бежать, но кофе с булочкой хочется куда больше.

– Ладно, понял, не время для страстных признаний.

Он издевается. Но Брайт даже в шутку не готова слушать такую чепуху.

– Так почему ты в тюрьме? Нас же тут никто особо не держит.

– *Вас* тут никто не держит.

Брайт не думает, можно ли такое рассказывать, ей плевать. Она никогда не собиралась ничего ни от кого скрывать, уж точно не от истинных, которые живут в своем прекрасном розово-медовом мире.

– А мой отец – в заложниках у Ордена Пяти, пока не придумает лекарство от болезни, которая убивает таких, как вы. – И Брайт так смело смотрит в глаза Энгу, что тот опускает голову.

– Таких, как *они*, – поправляет он.

– А ты здоров?

– Ну... – Энг откашливается и дергает плечом. – Я пью таблетки, если ты об этом. Но профилактическую дозу, во

избежание развития болезни. – Он будто оправдывается, а потом сдается. – Ну, может, и нет. Может, и обычную. Я не пропускал прием уже лет десять и не знаю, что почувствую.

Он несет какую-то чушь и понимает это, потому выдыхает и быстро говорит:

– Ладно, я болен, но... Слушай, я не верю, что мы болеем из-за того, что живем рядом с иными или типа того. Я не знаю... ладно? Я не расист, и я не прекращал общаться с иными, если ты понимаешь, о чем я, и хуже мне не стало. Значит, Орден врет, верно?

Кажется, его это задевает. Энграм частит, морщится, и Брайт не успевает уследить за мыслью.

– Они нам говорят... это. И я уверен, что это ложь.

– Они говорят, что вы больны, потому что рядом иные?

– Да. Я знаю, что вы думаете иначе. Что это из-за темной магии, что мы так слабы, что не справляемся с силой.

– Энг. Я вообще ничего о вас не думаю. Расслабься. Мне абсолютно ровно на то, кто ты. И я первый раз слышу про темную магию.

– Ну я так...

Брайт улыбается собственным мыслям, потому что только что истинный маг оправдывался перед ней, подумав, что она заподозрила его в расизме или вроде того. Как иронично. Энграм Хардин полон сюрпризов. Это какая-то новая сторона давно изученного вопроса, очень даже любопытная.

– Ну, в общем, ты болен.

– Да.

– А мой отец – Блэк Мэсон. Он вас всех... полечит. – Она делает большой глоток кофе и морщится, когда он обжигает небо.

– А ты при чем?

– А пока он вас не вылечит, я буду тут под угрозой его смерти, – хмыкает Брайт, чувствуя себя последней сволочью, потому что ей совершенно не жаль траминерских детей.

Голос Энга становится тише, глуше. А булочка отправляется в пакет. Он упирается локтями в колени и сгорбливает спину, будто на нее давит тяжкая ноша.

– Значит, ты тут, а твой отец там?.. Умно, – сухо произносит он, а Брайт с наслаждением закидывает ногу на ногу, делает глоток кофе, снова морщится и кивает.

Ей нравится, что истинным бывает стыдно, это видно по трагично согнувшейся спине Энга. А может, он просто уже поднатерел в том, как клеить иных?

– Там Орден Пяти... тут их дети... будь осторожна. – Он чуть поворачивает голову, глядя на носки ботинок Брайт.

– Что?

– Что слышала. – Энграм откидывается на спинку лавочки и снова берет в руки стаканчик кофе. Греет о него пальцы, но не пьет. – Некоторые из студентов... уже близки к Ордену. В особенности дети Пяти. После отбоя тут иногда такое творится...

– Какое? – невинно улыбается Брайт, понимая, как оче-

виден сарказм в тоне, но Энг, кажется, не обращает на это внимания.

– Охота. Они называют это охотой, – сдавленно сообщает он.

– А ты?

Он качает головой.

– Твой брат? Я так понимаю, он один из главных старост. Энг быстро кивает.

– Мой отец тоже... один из Ордена. И он... один из Пяти. Как и Блауэр, и Прето, и Блан.

– И Хейз, – тихо говорит Брайт.

Энграм дергается и отставляет стаканчик, поворачивается к Брайт всем корпусом.

– А от него лучше и вовсе держаться подальше, – говорит быстро и тихо. – Правда, не нарывайся.

– Почему? Он так страшен?

– Он сын Хейза, и этого достаточно. Никто не знает его достаточно хорошо, чтобы сказать, что на самом деле в голове у Рейва. Он самый скрытный из них. Я с детства с ними, и черт его знает, что в голове у этого типа. Блауэр и Прето открыто выражают всё, что думают. Открыто нападают, а чем занимается Хейз – тайна. Держись от него подальше. Эта семья... это они все устроили.

Брайт холодно кивает и морщится. Легко сказать – держись подальше, когда проблемы наступают сами, без постороннего вмешательства.

Глава десятая

Взрыв

ВЗРЫВ

*Энергетическое, магическое, физическое
воздействие, повлекшее за собой разрушение.*

Энграм вызывается проводить до библиотеки и не оставляет, даже когда Брайт уже настойчиво просит его уйти. Тащится за ней внутрь и торжественно обводит стеллажи рукой.

– Вуаля! Место твоего наказания, – улыбается он с гордостью, будто сам, лично все тут построил и расставил книги по алфавиту.

– Спасибо, а теперь про-ва-ли-вай, мне няньки не нужны.

Энграма слишком много, хоть он и пытается быть милым.

– Эй, я не в няньки набиваюсь... Но вдруг станет скучно?

Будешь старые книги подклеивать, а я...

– Слушай... – начинает она, но договорить не получается.

– Хардин. – Брайт оборачивается и застывает. В глубине библиотеки, среди стеллажей стоит Рейв Хейз. – Мне кажется или это студентка не твоего факультета? Опекать своих, будь добр.

Опять этот стальной голос. Брайт вздрагивает и поджимает губы.

– Я провожал подругу, – смело говорит Хардин, откидывает кудри со лба, будто павлин расправляет хвост.

– Уже. Проводил, – чеканит Хейз и скрещивает на груди руки. Его голос становится будто еще холоднее, хотя кажется, уже некуда.

Брайт сжимается, хмурится.

– Энг, иди уже. Мне не нужна помощь.

– Тебя встр...

– Не надо меня встречать, ради сил святых, иди! – шипит она, угрожающе глядя в глаза глупому мальчишке с кукольным лицом. А потом поворачивается к Хейзу. – Я сама разберусь со своими «друзьями», не нуждаюсь в посторонней помощи.

Он смотрит с насмешкой, сверху вниз, будто оценивает внешний вид напарницы.

– Я заметил. Не спали библиотеку в приступе самостоятельности.

Его изумрудные глаза мерцают в бархатной библиотечной темноте, и он кажется потусторонним пришельцем. Кожа гладкая, подбородок острый, на лоб падают совсем белые волосы. Они кажутся необычно густыми, завиваются на концах слабыми мягкими полукольцами. Брайт сглатывает.

– Постараюсь.

Рейв высокий, поджарый. Но он крупнее Энграма и не кажется таким мальчишкой. Брайт невольно вспоминает их первую встречу, вот так же, в темноте, она изучала лицо Хей-

за и не могла оторваться от его глаз, а он слушал ее голос и не мог пошевелиться. Тогда он казался Брайт ровесником, сейчас между ними будто пропасть. Он старше лет на пять, ему уже двадцать три или двадцать четыре.

Он выпускник, скоро сможет взять лунный нож и препарировать чужие мозги. Тот факт, что он, должно быть, куда умнее, – пугает. Тот факт, что он главный староста, – пугает, хотя, в сущности, Брайт безразлична местная иерархия и она может сидеть на отработках хоть все полгода безвылазно. Но даже капля власти в руках врага выглядит как угроза. Орден Пяти – пугает. И хочется кричать и высказывать Хейзу в лицо, как она ненавидит его и его семью, но не хватает смелости.

– Вот. Твоя часть работы. – Он указывает на два стола, один из которых предназначен Брайт. Между ними высятся стопки старинных книг, требующих починки. – Клей, кисточка, закливание поч...

– Я знаю, как подклеивать книги. Спасибо.

Уж в этом ей уроки не нужны. У бабушки была такая древняя библиотека, что приходилось каждое лето помогать ей с переплетением полусгнивших фолиантов. Это было настолько медитативно и успокаивающе, что сейчас пресловутые ОНР кажутся наградой. Можно почувствовать себя дома.

Брайт бросает на стул рюкзак и падает на соседний. Тянет на себя первую из множества стопок истрепавшихся разва-

ленных книг и новых обложек. Переносит название из списка при помощи вечного карандаша, и тот бойко выводит на обложке вензеля, полностью повторяя оригинал. Отрывает старую гнилую обложку. Короткое заклинание, очищающее от плесени. Главное – не повредить хрупкие нитки, которыми сшиты тетради. Книжный блок тут же становится мягким, разбухает – это исчез старый клей. Отваливается каптал, и мягко отстают от старой бумаги форзацы, сиротливо повиснув на крышке. Пропитать новым клеем, обернуть марлей – и в стопку. Через час можно крепить обложку. И так до бесконечности, пока не отсохнут руки.

Надо же было в первый же день нарваться. Но с другой стороны, есть время побыть (почти) наедине с собой, а не в шумной спальне, где девочки будут говорить про новые предметы, а она – трагически молчать, не побывав ни на одной лекции за весь день. Рядом Хейз, он все делает быстро, еле касаясь книг. Маги стихий чаще всего сильны в простых бытовых заклинаниях, почти как илунженцы-универсалы. Книги Хейза сами собой укладываются в аккуратные стопки, и работа идет в разы быстрее. Зато Брайт неторопливо достает плеер и включает любимую музыку, расслабляясь, будто снова коротает дождливый вечер в компании бабули, дряхлой старушки, которая умудрилась разменять две с половиной сотни лет и умирать еще не собиралась.

В библиотеке такая концентрация магии, что ее будто можно пощупать. Каждая волшебная книга отдает в окружа-

ющую среду частичку сил, и все они перекликаются, смешиваются, заряжают воздух. Кожа то и дело покрывается мурашками, а колдовать в такой обстановке проще простого. Но, глядя на Хейза, становится неловко за свои способности. *Он старше. Он траминерец. Зато он не умеет летать, верно?*

Но, в общем-то, не важно, кто и что умеет, важно, чего НЕ умеет, и сейчас Брайт чувствует себя безрукой и ущербной. Рейв на нее не смотрит, методично берет книгу за книгой, обложку за обложкой.

– Можешь прекратить пялиться?

Брайт это читает по губам и не сразу понимает, что не слышит вслух. Потом только вынимает наушники и растерянно моргает.

– Ну? – Он вздергивает широкую темную бровь и качает головой, мол, чего уставилась.

Брайт очень долго была практически немой. Научиться говорить и при этом не петь было сложно, со слухом тоже были проблемы, и пришлось осваивать общение без голоса, так что она с легкостью могла понимать все, что нужно, даже плотно заткнув уши. Она пожимает плечами, но Рейву этого недостаточно.

Ресницы у него такие же темные, как брови, а глаза, видимо из-за магического фона библиотеки, сияют больше обычного, откидывая тени на скулы. Жутковато. Наверное, сама Брайт выглядит так же, когда выходит из душа или возвра-

щается с прогулки, где успевает вволю поплавать. В душе растёт неприязнь. Траминерцы видятся мерзкими существами с кукольными лицами, напоминают лесных фей или вроде того, зачем-то решивших жить среди людей, но не освоивших норм человеческого общения.

– Чего уставилась?

– Ничего.

Брайт слушает, как ее голос пульсирует в духоте библиотеки. Магия слишком сильно сгустила воздух, такими темпами скоро можно будет рассмотреть звуки.

– Зачем ты спас меня? – Она смотрит прямо перед собой и напряжена так, что покалывает губы.

Обложка дрожит в ее руках, и ломается грифель вечного карандаша.

– Ты заколдовала меня...

– Неправда, ты пожалел меня еще раньше...

«Скажи что-нибудь, чтобы я тебя отпустил. Придумай причину», – шепчет он. Истинные не дарят таких шансов.

– Не заставляй об этом жалеть, – усмехается Рейв.

Грифель его карандаша тоже ломается. Он не смущен, но говорить о той ночи не намерен, и Брайт это только подстегивает.

– Зачем?

Он щурится с подозрением, потом вздыхает:

– Пошли за книгами. – И кивает на голый пол между столами.

Брайт откладывает очередной книжный блок и идет за Хейзом, который широким шагом удаляется вглубь необъятной библиотеки.

– Много осталось?

– С твоей черепашей скоростью – бесконечно много, – сухо отвечает он.

Его голос, кажется, совершенно лишен каких-либо эмоций. Он потрескивает, как статическое электричество между сухими страницами, Брайт это необъяснимо нравится. Ей кажется, что Рейв – самое настоящее, что она видела в этой школе. Он как будто абсолютно осязаем. Его голос, взгляд, неприязнь, резкие слова – все живое и искреннее. Идеальный враг.

– Ну простите, – бормочет она.

– Прощаю.

Комментировать дальше бесполезно.

В конце ряда обнаруживается дверь в кладовку, а там – горы древних книг и такой магический фон, что страшно делать шаг вперед. Воздух просто мерцает перед ними, сопротивляется вторжению.

– И все это нужно переклеить? – шепчет Брайт, глядя на гниющие фолианты.

– У тебя ОПР на три вечера. Поверь, не мы одни получим в этом году наказание. Библиотека обеспечена рабами. Через месяц кладовка опустеет. Нагружай телегу. – Он кивает на деревянную тележку для книг, и Брайт принимается за

работу.

Рейв же идет к противоположной стене и снимает книги с самых высоких полок под потолком.

– Магия, которой нет... – читает вслух Брайт. – Темнейшие и редчайшие ритуалы...

– Чего копаешься?

– Ничего. – И книга отправляется в тележку.

– Хлам какой-то. – Рейв поднимается по стремянке и сгребает кучу книг. – Возьми, не могу их левитировать, слишком хрупкие.

– Ага...

Брайт рассеяннo кивает и делает шаг к его стремянке. Он подает ей стопку не глядя. Она не рассчитывает, что стопка такая тяжелая. Книги кренятся, летят вниз, на неустойчивую стремянку, на Брайт, а сверху – Рейв. Всюду разлетаются мятые листы, поднимается противный запах плесени, а свет гаснет.

– Твою мать! – рычит Рейв.

Он горячий и тяжелый и, если бы хотел, точно бы раздавил хрупкое тело сирены, но, к счастью, скатывается на дряхлые обложки и зажимает ушибленную руку.

– Ты мог бы предупредить, сколько это весит, – ворчит Брайт в ответ, расшвыривая книги. Кажется, что об голову разбили пару бутылок и чугунный котелок в придачу.

– Осторожнее с древними изданиями! Чтобы расплатиться, придется идти торговать мордашкой. – А сам отпихивает

ногой гору книг, вызывая снопы искр и треск магии.

– Их все равно не спасти. Черт, я, кажется, разбила голову, у меня кровь...

– Поздравляю. Иди к медсестре.

– А где же сочувствие, аристократишка?

– Нарываешься?

Не нарывайся, не нарывайся! «Кого я обманываю?»

Брайт хочет ответить, но только и успевает, что набрать в грудь воздуха. Рейв зажигает пару изумрудных огоньков, и они плывут по воздуху, зависая в разных углах кладовки.

– Ого! – Брайт осматривается, любуясь отблесками на древних обложках, а потом замирает.

Ее взгляд цепляется за совершенно новенькую, обернутую ленточкой книгу в красном кожаном переплете. Она выглядит слишком странно, инородно, ее невозможно пропустить. Должно быть, книга лежала в одной из стопок, попала туда по ошибке. Чем дольше Брайт смотрит, тем труднее оторвать взгляд. Она наспех вытирает руку, перепачканную в крови, и удивленно отмечает, что кровь принадлежит, скорее всего, Рейву.

– Ты тоже ранен?

– Понятия не имею. Тут темно, но, кажется, что-то с рукой. Хочешь поиграть в медсестру? – Это могло бы стать пошлой шуткой, но звучит раздраженно. – Кажется, нам добавят пару отработок за этот раритетный хлам...

Брайт не слушает. Голос Рейва становится фоном, боль

в голове отступает, а кровь перестает интересоваться. А вот книга... Брайт кажется, что символы на обложке светятся, и это сейчас интереснее всего остального вместе взятого.

– Тут что-то странное, – шепотом выдыхает Брайт. – Смотри... какая-то книга... Она не выглядит старой и потрепанной, как она сюда попала?

– Что? Тут полно книг, что ты творишь? Поднимай задницу и принимайся за уборку...

– Нет же, смотри...

Брайт не может остановиться. Символы горят всё ярче, и это не дает покоя.

– Так, что бы ты там ни нашла – не трогай.

– Не могу.

– Что? – Голос Рейва уже не раздраженный, ему в самом деле становится страшно.

Резкое движение в сторону Брайт, но она уворачивается. Сейчас книга важнее.

– Масон, ты меня пугаешь. А ну остановись!

«Почему? Что он несет?»

– Мне нужна эта книга...

– Масон, где ты? – рычит он, и его огоньки гаснут, снова погружая каморку в темноту. – Тут ни черта не видно! Не шевелись пару секунд, пожалуйста! Просто...

Ее пальцы касаются обложки. Его пальцы касаются ее руки.

– МАСОН!

Библиотека взрывается к чертям собачьим вместе со всем хламом, что в ней был.

Глава одиннадцатая

Слепота

СЛЕПОТА

Полное или частичное отсутствие зрения.

– Я думал, ты шутила, когда говорила, что любишь быть в центре внимания. – Что-то горячее касается лба, а Брайт судорожно вздыхает.

– Тсс, деточка, тсс... – Голос старческий, предположительно мужской. – Мистер Хардин, вы уверены, что хотите провести тут всю ночь?

«Нет», – стонет Брайт.

– Конечно! Это мой долг! Я же староста лечебного, – отвечает Хардин, а Брайт понимает, что ее никто не слышит.

«Какого черта...»

– Так, ну, зелья я оставил. Контролируйте, пожалуйста, температуру, сердцебиение и магический фон, второго срыва нам только не хватало... Отдыхайте, девочки.

Шаги, хлопок двери. Брайт через силу пытается открыть глаза, но веки слишком тяжелые. «Я жива?» – но ее опять не слышат.

– Что она там булькает? Я не понимаю по-сиреньи, – раздается недовольный голос Нимей.

– Это язык сирен? – ахает кто-то из сестер Ува.

– Неплохо, – добавляет Хардин.

«*Что он тут делает...*» – стонет Брайт и пытается перевернуться на бок, спина страшно болит.

– Эй, ты забыла человеческий язык? – испуганный шепот Лю.

Но зрение, несмотря на все усилия, до сих пор не возвращается, Брайт хнычет и мотает головой.

– Ого... у нее радужка прям лиловая... Кто-то что-то знает про сирен?

– Не-а.

Брайт устала идентифицировать, кто и что говорит. Тишина – вот что ей нужно. И информация, желательно переданная кем-то одним и без лишней воды.

– Сирены... сирены... – Шелест бумаги. Брайт теперь ненавидит бумагу. – Я не понимаю... – продолжает хныкать кто-то.

«*Я тоже*», – вздыхает Брайт.

– Она меня пугает. Почему она... булькает, а не говорит?!

– Все вон!

«*А этот что тут делает?*»

Брайт дергается и садится в кровати, слепо шаря вокруг себя. На пол падает что-то стеклянное и бьется, в воздухе начинает пахнуть травами и сладостью кровоостанавливающего зелья.

– Ты что тут...

– Все вон! – рычит Рейв Хейз.

«Нет-нет-нет... только не он!» – шепчет Брайт, но никто не понимает. Шорох, шаги, шепот – все уходят.

– Я тебя убью!

Крепкие руки прижимают ее к матрасу, вынуждая упасть обратно на подушку. Внутри все клокочет, Брайт... чувствует ярость? Причем это не *ее* ярость, это *его* ярость. Хочется терзать невидимого врага, выбить из него всю дурь. Нутро сводит от этого желания. Брайт скрипит зубами, стискивает их с такой силой, что это отдается болью в мышцах лица. Дыхание само собой учащается вместе с сердцебиением. Невероятно странно быть злой на кого-то и толком не знать почему. Чувство есть, причины – нет. Пустота там, где должна быть мотивация, и это будто раздражает еще больше. Как отсутствие только что выпавшего зуба, как недостаток тяжести волос после короткой стрижки, как выйти на улицу после зимы без теплых курток – чего-то не хватает. Обрубок очень яркой эмоции, лишенный своего начала, но оттого не менее яркий.

– *Что происходит?* – Она не знает точно, на каком языке говорит.

– Почему я тебя понимаю? – хрипло спрашивает Рейв.

– *Ты меня понимаешь?*

– Каждое слово! Почему?

– *Я не знаю... Почему я ничего не вижу?*

– У тебя глаза лиловые вместе с белками. – Он говорит злобно, резко, пальцы сжимают плечи Брайт так, что синяки

неминуемы.

– *Вода. Мне нужно умыться, опустить голову в воду.*

Он выдыхает и тянет ее на себя.

– *Больно.*

– Потерпишь.

Тащит куда-то. Шум, шорох. Запах сырости. Вода. Она падает на макушку, теплая, струи тугие и тут же окутывают все тело. Брайт делает резкий вдох и шаг назад, за ней стена, по которой можно с облегчением скатиться, обнять колени и просто посидеть без жужжания над ухом. *Возбуждение? Смушение?* Эти чувства откуда?

Но тело пронзает разом в двух направлениях. Щеки заливают краской, а вниз от груди к пупку проскальзывает горячий шарик. Он тает, обволакивая внутренности, и концентрируется внизу живота приятной ноющей болью. Брайт, не отдавая себе отчета, сводит бедра и откидывает голову, пытаясь остудить пылающее лицо. Сердце колотится все сильнее, обливается кровью при каждой фривольной мысли, которая так или иначе посещает голову. И кожа. Кожа горит, будто в ожидании чьих-то прикосновений. Невыносимо – хотеть кого-то неизвестного совершенно бесцельно. Зная, что никто не подарит ни ответного внимания, ни разрядки.

И одна эта мысль помогает немного сбить пыл. *Это все мне кажется. Это все у меня в голове...* Дышать становится чуть легче. А если очень постараться, можно сделать вид, что ничего и вовсе нет. *Давай, дыши и не думай об этом.*

Она распахивает глаза – вернулось зрение, но все видно словно сквозь розовое стекло. Рейв Хейз стоит посреди ванной, он не закрыл дверцу кабинки. Стоит и смотрит, задрав подбородок, и так же часто, как Брайт, дышит. Она опускает взгляд. Тонкий больничный халатик, который стремительно намокает и липнет к телу, слишком много выставляет напоказ. Ноги обнажены до середины бедра.

– Отвернись, – шепчет Брайт. Тело мученически пылает. – Что со мной?

– Наконец-то человеческий голос... – тянет Рейв.

– Что я чувствую? Это не мои чувства...

– Не твои. – Голос полон яда и стали.

– Чьи? – Глупый риторический вопрос, но Брайт обязана услышать правду от него, иначе как в нее поверить?

– Угадай.

Она снова краснеет до корней волос. Догадка ослепляет, но нет смысла выдумывать оправдания. Он бы не пришел и не рассуждал с ней тут про ее самочувствие, если бы не имел к нему никакого отношения. Это он. Его ярость. Его возбуждение. Даже его смущение, будь оно неладно!

– Почему? – Она смотрит на свою руку. Кожа впитывает воду, будто иссохшая земля, а зрение стремительно возвращается с каждой каплей, попавшей в организм. Это все привычно, а вот чужие эмоции – нет.

– Почему? – Усмешка Рейва такая ледяная, что в комнате на пару градусов опускается температура.

Он разворачивается, и Брайт снова окатывает странной интригующе-сладкой волной. Он приближается. Вода капает теперь и на его голову, их носы соприкасаются.

– Боишься, – констатирует он. – Это же страх, я угадал? Так вы, девчонки, боитесь?

Да. Это самый настоящий страх, но он не имеет ничего общего с предчувствием физической расправы. Брайт не боится насилия или колких слов. Она боится вызванных в ней чувств и их источника, потому что подобное – неестественно.

– Что происходит? Пожалуйста?

– Ну, раз уж ты так вежливо просишь, – шипит он. – Ты, чертова дура, соединила нас чарами Фиама. Знаешь, что это?

Брайт мотает головой. Понять, где чьи чувства, уже невозможно. Рейв тоже в ужасе, это очевидно.

– Это такой древний ритуал, чтобы юные аристократы, которым навязали брак, не выпрыгивали из окон в день собственной свадьбы. Так сказать... попытка сблизить молодую парочку. Теперь все, что чувствуешь ты, чувствую я, и наоборот.

– Что?..

– Что? Для Аркаима, или откуда ты там, договорные браки новость?

– В цивилизованных странах...

– О да! Расскажи-ка мне про цивилизованные страны. –

Он морщится совсем как Бэли Те-ран, завидевшая иных, и холодная усмешка кривит его ровные, слишком яркие на фоне бледного лица губы. – В Траминере долгие годы борются за сохранение той горстки чистых семей, что еще осталась, и, разумеется, мы женимся на достойных парах, но это вовсе не гарантирует нам любви в браке. Чары Фиама помогают... помогали познакомиться... – Он кривится, отводит взгляд, видимо полностью осознавая, насколько этот метод несовершенен и попросту дик. – ...Поближе.

– Помогали?

– Я за всю жизнь не знал ни одной пары, этим связанной, но в теории... почему нет? – Теперь он говорит словно сам с собой, задумчиво и спокойно. Он и сам будто задается вопросом, насколько происходящее абсурдно.

Капли стекают по лицу Рейва. Брайт следит, как они чертят линию его профиля, скапливаются на ресницах, и это все усиливает дрожь в теле. Зрение вернулось, голос вернулся. А чужие чувства никуда не ушли.

– Как это исправить?... – Голос звучит безжизненно и обреченно. Новая тюрьма кажется страшнее предыдущей.

– Только не ной. Неплохо ты придумала себя обезопасить. Теперь-то, конечно, тебя никто не тронет. Умрешь ты... умру и я. – Он холодно усмехается.

– Что?

Но Рейв просто игнорирует ее вопрос, прикрывает глаза и будто пытается сдержаться, чтобы не начать крушить сте-

ны. Уровень раздражения в нем растет, и вместе с тем Брайт тоже потряхивает.

– Чары Фиама связывают наши жизни в одну, – бормочет он, будто рассказывает самому себе. – Физические увечья, эмоциональные... все пополам. Черт!

И запрокидывает голову. Брайт смотрит снизу вверх, как дергается его кадык и стекает по шее капелька воды. Это наблюдение оказывается чем-то волнующим после пережитого совсем недавно приступа возбуждения, и приходится отвернуться.

– Ни одного наказания за шесть лет! Ни одного! Идеальная статистика, идеальное досье... – Он резко опускает голову и смотрит на Брайт, которая после этих слов не удержалась от ироничного смешка. – Ты думаешь, для меня это не важно? Ошибаешься.

Рейв будто даже хочет объясниться, Брайт это почти чувствует, но заранее знает, что он не откроется ей. Да это и не нужно. Ей переживания истинного вовсе не интересны.

– Впрочем, не суть, – отмахивается он. – Интересует меня другое... Появляется розовоглазая дрянь и устраивает мне проблемы... Конечно, это совпадение, кто бы сомневался. Ловко ты все подстроила! Я в библиотеке, без особой защиты, с тобой наедине, и – бамс! – заколдованная книга, так удачно оказавшаяся в кладовке! Тут ты меня еще и поразила, таким образом получив мою кровь, умно придумано, кстати. Вдобавок уединение. И темнота. Все как надо!

– Как это исправить, Хейз? – выдыхает Брайт, не в силах оправдываться.

– Пока смерть не разлучит нас, – улыбается Рейв. – Чертово любовное заклинание. Или мы влюбимся друг в друга. – Он выплевывает слова с отвращением. – Или в кого-то еще. Пока наши сердца свободны, мы останемся связаны.

– Это точно оно? Ты уверен? Как ты понял?

Брайт перебирает в голове знакомые ей чары и даже близко ничего подобного не помнит. По ее скромному мнению, для точного диагноза анамнез неполон, но и других идей у нее нет.

– Я не идиот...

– Я спрашиваю не потому, что ты идиот. – Он бледнеет от мгновенного приступа злости, но Брайт от этого только отмахивается. – Говорим как взрослые недоврачи. Факты. Ну!

– Ты схватила книгу Фиама, чьи еще там могли быть чары? Уймись. Если хочешь фактов – иди в библиотеку. А... постой, ты же разнесла ее к чертям!

Брайт кивает. Говорить с этим человеком бессмысленно.

– Ну и еще одна потрясающая новость, – улыбается он.

Но Брайт теперь не обмануть никакой улыбкой. Она дергает подбородком в вопросительном жесте.

– Так как библиотека пострадала по «нашей» вине, каждый вечер, видимо, до конца наших жизней жду тебя там для очень... очень... очень утомительных отработок. Поздравляю, первокурсница, с началом учебного года тебя! – выпле-

ывает он и отталкивается от пола так, что Брайт задыхается от неожиданно резкого движения. – Идиотка, – бросает он напоследок, прежде чем скрыться в дверном проеме.

Глава двенадцатая

Инвазивная процедура

ИНВАЗИВНАЯ ПРОЦЕДУРА

Медицинская процедура, связанная с проникновением через естественные внешние барьеры организма, в том числе посредством «живого надреза», без повреждения естественных внешних барьеров.

В темноте можно отчетливо различить только призрак плафона ажурной люстры под потолком, и Брайт прилагает все усилия, чтобы уснуть, но то и дело ее взгляд возвращается туда. На плафоне сидит пара москитов, по-осеннему вялых, они щелкают конечностями и шуршат, иногда бьются о потолок и спустя пару минут падают замертво от одного четкого пасса в их сторону.

– Эй, я за ними наблюдала, – ворчит Брайт.

– А я спать хочу, – сладко зевает Мелона и поворачивается лицом к стене. Ее кровать самая крайняя, у входа.

– А ты чего не спишь? – шепчет Лю. – Что-то болит?

– Нет, все в порядке, мне лучше.

На самом деле ей кажется, что все уже в полном порядке, но через пару часов бодрствования клонит в сон – признак магического истощения, а после прочтения пары страниц в

глаза будто капают розовой краской и зрение мутится.

Брайт провела в постели только один день, слонялась по дому, пыталась рыться в общажной библиотеке, но оказалось, что там только женские романы и учебники с первого по шестой курс. Ничего про чары Фиама не нашлось, кроме потемневшей металлической таблички, оставшейся на потрепанном, оторванном от какой-то книги корешке. Собственно, текст на ней соответствовал всему, что сказал Рейв. Сердце или полюбит, или будет связано, поделите вы чувства и бла-бла-бла, чушь! Ей до сих пор кажется, что это все происходит не с ней.

– Ты нас здорово напугала, знаешь ли, – шепчет Лю.

В темноте она кажется призраком из-за белоснежной ваты волос, лежащей на одеяле.

– Знаю.

– Что стряслось? Расскажешь?

– Блин, вы серьезно? Спать совсем не хотите? – Мелона садится в кровати и злобно смотрит на соседок.

– Нет, не хотим, – вздыхает Нимея и тоже садится. – Я кофе хочу.

– О, я с вами! – Мелона тут же вскакивает и закутывается в свой оранжевый, расшитый стразами халат. – Идем?

Девчонки громко хохочут и швыряют в нее подушками. Тишина, в которой только что купалась Брайт, пытаясь нагнать на себя сон, превращается в суету.

– Тебе же кофе не запрещали? – Нимея коварно улыбает-

ся, будто соблазняет Брайт на что-то запрещенное.

Овада сонно зевает и безропотно идет на выход первой, будто ею управляет некая высшая сила, а следом двигаются все остальные.

Кухня за каких-то пару дней уже стала обжитой. Брошенные полотенца, грязные кружки в раковине, запахи еды. Нимея тут же берется за свою мельницу для кофе и с наслаждением вдыхает полной грудью.

– Ну? Сплетни, сплетни, сплетни, – торопит она. Достает большую турку и кружки.

– Просто несчастный случай. – Говорить о чарах Фиамы очень хочется, и одновременно совсем ни к чему никому про это знать.

До этого момента Брайт ничего не скрывала, и только нечто, связанное с Рейвом Хейзом, вдруг попало в категорию «Личное». Это делает их взаимоотношения еще более личными и запретными, а от одной мысли про это противно сосет под ложечкой.

– Такой сильный?

– Хейз взбесил, и я сорвалась.

– Хейз? Взбесил? – Нимея будто издевается, пока девочки молча наблюдают за этими бестолковыми, бедными на подробности эмоциями.

– А что не так?

– За годы общения с Энгом у меня создалось впечатление, что Хейз – самый спокойный и невозмутимый человек из

всех, кого я знаю. А все, что его интересует, – это он сам. Его учеба и его дела.

– Чем же тогда он так опасен и крут? – Брайт вспоминает слова Энграма и то, как Рейв Хейз шел по улице в распахнутом пальто и с самоуверенным выражением лица. Но в то же время в кабинете для старост, где вовсю шла перебранка между Хардинами, а потом и Бэли Теран, он и правда казался самым невозмутимым. Сидел за столом, строго на всех смотрел. Не кричал, не брызгал слюной.

– Наверное, тем, что все делает молча, – пожимает плечами Нимея. – Мы с Энгом перестали общаться, когда ему стукнуло четырнадцать, и я понятия не имею, что дальше было с его братом и его компашкой, но я видела этих людей каждый день, и мне кажется, Хейз не из тех, кто «бесит».

Нимея копает под Брайт, а ту ломает от переизбытка информации, будто она торопится покинуть голову.

– Почему вы перестали общаться с Энграмом?.. Он не похож на того, кто поддался расистским убеждениям из-за того, что ты стала обращаться волком.

– Ему сказали, что он болеет из-за общения с иными.

– Но он же постоянно встречается с иными девушками...

– Когда он понял, что ему лгали, было уже поздно. Я была уже не заинтересована.

Брайт кивает. От Нимеи веет тоской по былой дружбе, а общение этих двоих напоминает братско-сестринское.

– Хейз же охотник?

– Да, – спокойно отвечает Нимея.

Девочки ахают, хотя для них это не новость, но, вероятно, открыто о таком говорить не стоит.

– Вы об этом не говорите, верно? Ну, я заметила... что все как-то таинственно молчат.

– Все называют это «следить за порядком», – на одной ноте отвечает Нимея. – Что-то вроде дружины добровольцев... с привилегиями.

– А кто-то из вас когда-то... попадался?

– Пару раз. У Фандера Хардина я любимая цель, – горько усмехается Нока.

Кофе в турке пенится, и она наблюдает за возникающими на поверхности пузырьками с выражением опытного зельевара.

– И что он... делает?

– Долго догоняет. Это самая веселая часть, я полагаю. Дает фору, пугает, пускает в ход свои земляные штуки с корнями. Накидывает пару амулетов, не дает превратиться... запугивает. Словами, – уточняет она. – Меня не избивали. При сопротивлении он имеет право применить силу. При более серьезных нарушениях – сдать в участок. При очень серьезных – притащить Ордену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.